

Ф И Л И П П Д Ж Е Н К И Н С

ВОЙНЫ
ЗА БОГА
НАСИЛИЕ
В БИБЛИИ

Филипп Дженкинс
Войны за Бога. Насилие в Библии
Серия «Религия. Война за Бога»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811533

Дженкинс Ф. Войны за Бога : Насилие в Библии : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63747-8

Оригинал: PhilipJenkins, "LAYING DOWN THE SWORD. Why We Can't Ignore the Bible's Violent Verses"

Перевод:

Михаил Завалов

Аннотация

Захватнические войны, беспощадные расправы над невинными, расовая дискриминация и геноцид во имя Бога – хватит ли современному читателю Библии душевных сил, чтобы постичь смысл всех кровавых историй Священного Писания? Почему многие верующие упорно игнорируют, стремятся предать забвению или утешаются надуманными объяснениями трудных мест Библии? Как повлияли жестокие тексты Библии на ход истории? К каким шокирующим выводам мы придем, добросовестно сравнив Библию и Коран? Что делать с Библией такой, какая она есть, сегодня? Автор этой провокационной и очень своевременной книги о насилии в священных традициях иудаизма, христианства и ислама бросает вызов всем нашим представлениям о религии, кровопролитии и терроре.

Содержание

От автора	5
Определения	6
Введение. Соринка и бревно	7
Насилие и Коран	9
Заглянем в Библию	11
Библейские каноны ненависти	14
Пощадишь врага – будешь проклят	16
Священная амнезия	19
Забыть – перестать мучиться	22
Почему опасно забывать	24
Старая Библия и новые христиане	27
Жестокие библейские тексты и атеизм	29
Правда и примирение	30
I. Кровожадные тексты Священного Писания	32
1. Уничтожьте все дышащее	32
Истории, полные ужаса	33
Убийственная святость	34
Войны Иисуса Навина	36
Приказание убивать	39
Соппротивление Господне	41
Бог ожесточил их сердца	42
2. А было ли то, о чем написано в Библии?	44
Прислушиваясь к разным голосам	44
Второй закон	45
Потерянные 500 лет истории	46
Никакого завоевания Земли обетованной не было?	47
Откуда пришли таинственные еврейские воины?	48
Кому понадобился миф о героическом прошлом?	51
Роковые пороки жителей Ханаана	52
Нетолерантный Бог	53
Иноземным женам не повезло	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Филипп Дженкинс

Войны за Бога. Насилие в Библии

© 2011 by Philip Jenkins.

Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc. All rights reserved.

© Завалов М.И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

От автора

Я хотел бы поблагодарить коллег и друзей, с которыми мне приходилось обсуждать разные аспекты данной книги или которые давали мне советы. Это такие люди, как Нахман Бен-Иехуда, Кристиан Брэди, Джонатан Брокопп, Барух Гальперн, Пол Харви, Томми Кидд, Гари Кнопперс, Грегг Ребер и Эрик Сейберт. Если на страницах моей книги есть какие-либо ошибки, касающиеся фактов, религии или вероучения, в них не следует винить данных людей. Я также благодарен Гарэту Куку из газеты *Boston Globe*, с которым я начал говорить об идеях, изложенных в данной книге. Я признателен моему литературному агенту Элиз Чени и моему редактору в издательстве HarperOne Роджеру Фриту. И более всего я хочу поблагодарить мою жену Лиз Дженкинс.

Определения

В основном в этой книге речь пойдет о священных текстах, которые евреи называют словом «Танах» или просто Библией. Христиане считают, что эти книги составляют лишь часть Библии под названием «Ветхий Завет», хотя многим не нравится этот термин, поскольку он косвенно предполагает, что эти тексты каким-то образом устарели или вышли из моды. Поэтому многие авторы предпочитают использовать нейтральный термин «Еврейская Библия», хотя это тоже порождает свои проблемы. Если Ветхий Завет – это Еврейская Библия, значит, Новый Завет можно считать Греческой Библией или Греческим Заветом, но такое употребление слов не отдает должного тому факту, что христиане считают авторитетными *обе* эти части Писания. Иногда я буду использовать термин «Ветхий Завет», отчасти потому, что в моей работе речь пойдет преимущественно о христианском понимании Писания. Тем не менее, когда я использую этот термин, его мысленно следует брать в кавычки.

Библия, и особенно Ветхий Завет, создавалась на протяжении многих столетий, в ее создании участвовало множество авторов и редакторов. Мало кто из ученых сегодня, например, согласится с тем, что Моисей был автором части или всех книг, которые называют Исход и Второзаконие. Тем не менее многие из авторов, о которых речь пойдет в моей книге, не были знакомы с их выводами, а потому, размышляя о Второзаконии, думали о том, как сам Моисей мог сказать те или иные слова. Поскольку меня здесь в первую очередь интересует, как текст понимали и запоминали, иногда я буду говорить так, как если бы Второзаконие было текстом, написанным Моисеем.

Открыв Коран, мы сталкиваемся с подобными проблемами авторитета и аутентичности. Правоверный мусульманин считает, что этот текст был непосредственно продиктован Богом, а пророк Мухаммед не играл практически никакой роли в его создании или редактировании. И уже только поэтому было бы неправильно начать предложение со слов: «Как говорит пророк Мухаммед в Коране...» Поскольку я не мусульманин, я не верю в то, что этот текст создавал исключительно Бог, и полагаю, что Мухаммед в той или иной мере участвовал в его создании. Вопрос об авторстве становится еще более сложным в свете некоторых нынешних теорий, согласно которым отчасти Коран обязан своим происхождением другим более древним текстам, как христианским, так и иудейским.

Если это не оговорено в примечаниях, я всегда пользовался переводом Библии King James Version. В отдельных случаях я отдавал предпочтение современному переводу, когда он был понятнее, благозвучнее или точнее.

Введение. Соринка и бревно

С точки зрения практического использования нашего интеллекта забвение играет не менее важную роль, чем запоминание.
Вильям Джеймс

Мы знаем, о чем думали террористы-смертники по пути в аэропорты 11 сентября 2001 года. Дрессировщики из Аль-Каиды предписали им размышлять о двух пространных сурах, то есть главах, Корана: о суре *Аль-Анфаль* («Добыча») и суре *Ат-Тауба* («Покаяние»). Это мучительные тексты. Бог обещает «бросить в сердца тех, кто склонен отвергать истину, страх», и призывает: «бейте же их по шеям». Бог предписывает своим мусульманским приверженцам убивать неверующих, брать их в плен, нападать на них из засады:

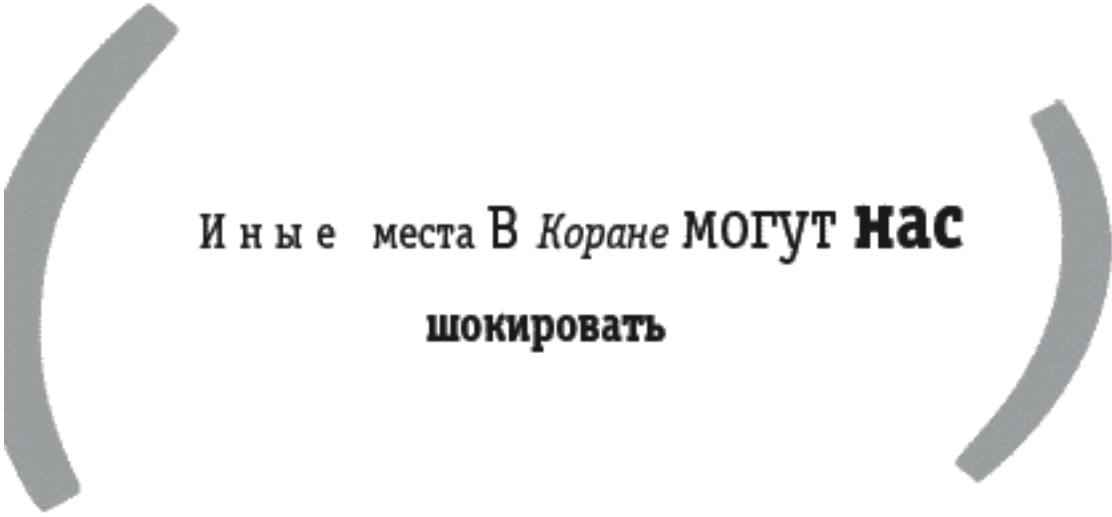
А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!

О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище – геенна {1}...

От слова, которое переводится как «борись» в последнем приведенном выше стихе, происходит термин *джихад*, и позднее сторонники джихада опирались на эти тексты {2}.

Террористы не должны останавливаться перед убийством своих пленников. Как внушили им наставники, сам Бог сказал Мухаммеду, что «пророк не должен хранить у себя пленников, пока он не пропитает землю кровью». Надо совершать все, что можно, ради стремления к священной цели, описанной в суре *Аль-Анфаль*: «устрашите врага Аллаха и вашего врага» {3}. Быть может, в последние минуты своей жизни террористы находили опору в этих текстах, где сам Бог открыто прославляет акции устрашения и убийство.

Эти же слова вдохновляли и других экстремистов. Когда майор армии США Нидаль Хасан в 2009 году устроил кровавую бойню в Форд-Худе, штат Техас, власти попытались разобраться в том, какая идеология стояла за этим преступлением. Выяснилось, что за два года до бойни Хасан вещал своим изумленным коллегам-немусульманам о требованиях Корана и, в частности, цитировал такой стих из суры *Ат-Тауба*: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истинной – из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» {4}.

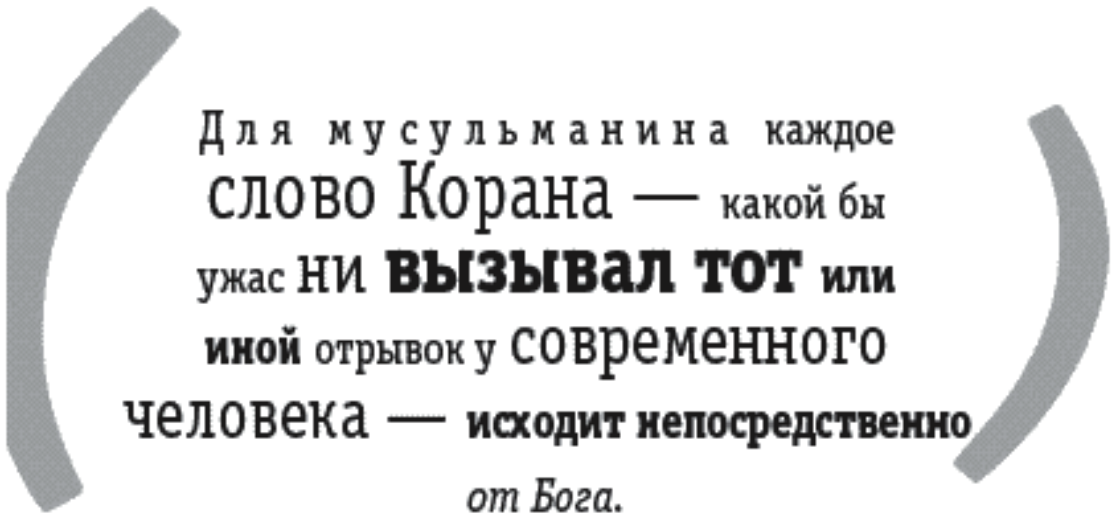

И н ы е места В *Коране* **МОГУТ нас** **шокировать**

Иные места в Коране могут нас шокировать. В одном стихе звучит такое предостережение: «Воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником... в том, что они будут убиты или распяты». Другой начинается так: «А когда вы встретите на поле боя тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее». Когда Осама бин Ладен в 1996 году провозгласил о войне против Запада, он процитировал этот стих и другие тексты сур *Аль-Анфаль* и *Ат-Тауба* {5}.

Насилие и Коран

Коранические тексты обладают особой силой по той причине, что правоверные мусульмане видят в Коране священное слово Бога, буквально записанное пророком Мухаммедом. Это одно из главных отличий Корана от Библии. Даже самые твердые фундаменталисты из числа христиан считают, что священные тексты Библии были созданы почтенными историческими героями, такими как пророк Исаия или апостол Павел, а это значит, что какие-то странности текста можно объяснить предрассудками этих людей. Коран не оставляет такой возможности. Для верующего каждое слово этого текста – какой бы ужас ни вызывал тот или иной отрывок у современного человека – исходит непосредственно от Бога{6}.

Для мусульманина каждое
слово Корана — какой бы
ужас **НИ ВЫЗЫВАЛ ТОТ** или
иной отрывок у современного
человека — **исходит непосредственно**
от Бога.

Западные критики считают, что Коран вдохновляет насилие джихада и глобальный терроризм. Относятся ли эти критики к секулярным консерваторам, христианам евангелического направления или сионистам, защищающим государство Израиль, все они единодушно считают, что Коран содержит призыв к терроризму и пропагандирует ненависть. Каким образом, спрашивают они, огромный мусульманский мир может примириться с современностью, если священное писание, на котором основан ислам, содержит такие глубокие дефекты? На одном из многих антиисламских веб-сайтов появилась статья с такими словами: «Для того чтобы понять, что ислам не есть религия, исходящая от Бога, но опасный культ, в котором ценятся ненависть и насилие, вам достаточно просто прочесть Коран». Христианин евангелического направления Франклин Грэм утверждает, что Коран «проповедует насилие». Голландскому политическому деятелю Герту Вилдерсу было предъявлено обвинение в разжигании ненависти в связи с его фильмом «Фитна», где он требовал запретить Коран, видя в нем современный эквивалент книги Адольфа Гитлера «Майн Кампф». Американские консерваторы Пол Уэйрич и Уильям Линд утверждают, что «ислам, если просто сказать, есть религия войны», и говорят, что мусульманам следовало бы покинуть территорию США. Телепроповедник Пэт Робертсон видит в исламе даже не религию, но «опасную политическую систему, которая стремится к свержению мировых правительств и мировому господству». В 2009 году был проведен опрос среди протестантских пасторов США, и он показал, что 70 процентов из них считает ислам опасной верой. Когда в 2010 году возникли споры вокруг вопроса о создании Мусульманского центра в Нью-Йорке на месте катастрофы 11 сентября, многие говорили о том, как много насилия в Коране{7}.

Эти критики не согласны с тем, что злодеяния экстремистов, таких как члены Аль-Каиды, лишены религиозных корней, или что террористические акты, совершенные во имя ислама, представляют собой извращение этой религии, или что «подлинный» джихад представляет собой только лишь внутреннюю духовную битву. Напротив, говорят эти критики, насилие и терроризм суть закономерные и неизбежные следствия приверженности исламу и влияния его священных текстов. Когда, например, в 2008 году Министерство внутренней безопасности США заявило, что исламисты исказили истинное значение слова «джихад», это вызвало возражения со стороны консервативного критика Эндрю Мак-Карти. Он писал:

В Коране в суре 9:123 (если взять только один пример из многих) говорится: «О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость. И знайте, что Аллах – с богобоязненными!» Что же здесь было «искажено» террористами, как нас хочет уверить Министерство внутренней безопасности? Разве это они выдумали, что ислам повелевает мусульманам «сражаться с теми из неверных, которые близки к вам», чтобы последние «нашли в вас суровость»?

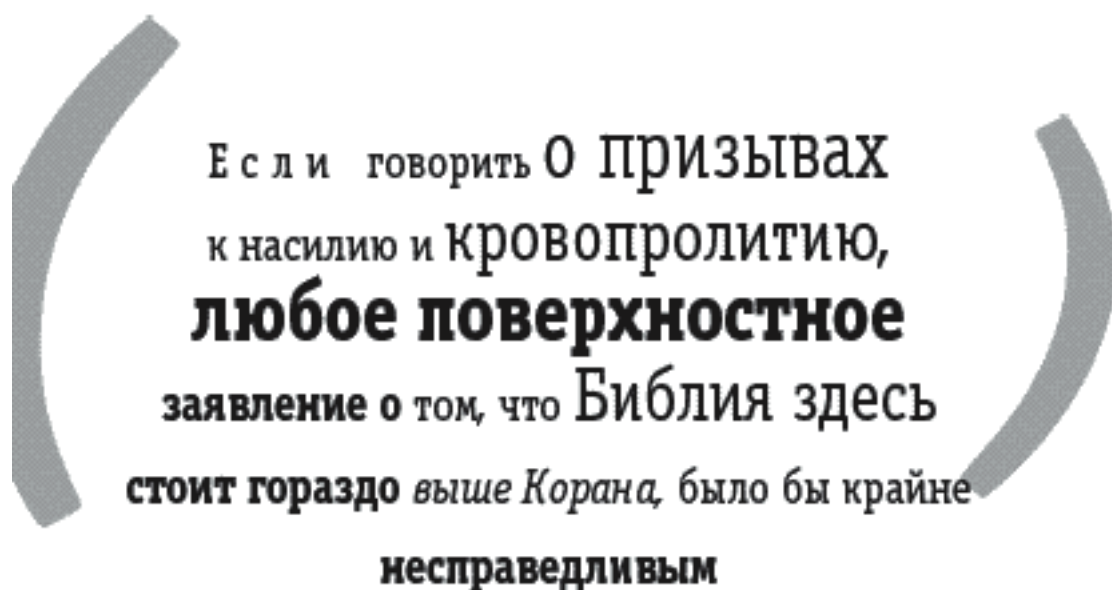
Многие полагают, что Западу угрожает не «радикальный ислам», не «ислам экстремистов» или «исламский фундаментализм», но просто сам ислам в его чистом и простом виде. Мак-Карти пишет: «Неверно говорить, что между массой мусульман и террористами существует «радикальное» расхождение. Это расхождение тонкое и касается лишь деталей» {8}.

Еще убедительнее для критиков звучат слова бывших мусульман, отказавшихся от своей веры, которые утверждают, что ислам насквозь пропитан насилием и нетерпимостью. Так, недавно мир прислушался к предупреждениям Аяан Хирси Али, рожденной в Сомали активистки в сфере защиты прав человека, деятельность которой привела к тому, что в Голландии она опасается за свою жизнь, на которую покушаются исламские экстремисты. Всем известен и Мосаб Хассан Юсеф, сын одного из основателей палестинской группы Хамас, оставивший ислам. На протяжении нескольких лет он исполнял роль двойного агента, работая на израильскую разведку, а затем открыто отказался помогать палестинцам и заявил, что он обратился в христианство. Юсеф безжалостно критикует ислам в целом и особенно его священные тексты, которые, как он утверждает, пропитаны насилием и лицемерием. Хотя он согласен с тем, что обычные мусульмане миролюбивы, он считает, что это объясняется лишь тем, что они игнорируют некоторые крайне опасные ключевые положения своей веры, которые отражены в агрессивных стихах суры *Ам-Тауба*. Юсеф утверждает, что Коран представляет собой «учебник войны для исламских террористов», что он призывает убивать невинных людей и что поэтому всю эту книгу следует запретить в США и странах свободного мира. Необычная группа под названием «Мусульмане против шариата» предприняла попытку создать новый Коран, откуда будут исключены самые агрессивные и спорные стихи {9}.

Некоторые критики из числа немусульман считают, что отдельные священные тексты ислама так глубоко пропитаны ненавистью, что их следовало бы запретить. В 2008 году еврейские группы из Университета Южной Калифорнии заявили протест против использования Мусульманской студенческой ассоциацией текстов Хадиса, сборника речений, приписываемых пророку Мухаммеду, авторитет которого близок к авторитету самого Корана. Протестующие обратили внимание на то, что на сайте Мусульманской ассоциации размещены резкие слова Хадиса в адрес евреев, и власти университета потребовали убрать эти оскорбительные тексты. Американцы обычно не склонны подвергать цензуре священные тексты любой религии, если только они не содержат прямого призыва к насилию и ненависти {10}.

Заглянем в Библию

Многие западные люди видят в исламе нечто вроде темной тени собственной веры и считают, что слова Корана радикальным образом отличаются от слов священных текстов, которых они сами придерживаются. Как полагают обычные христиане и иудеи, Коран призывает к войне, тогда как Библия говорит о любви, прощении и милосердии. Пророк Михей дал следующее резюме заповедям Бога, данным его народу: «творить справедливость, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом». Христиане вспоминают слова распятого Иисуса: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» {11}, {12}.

Но если говорить о призывах к насилию и кровопролитию, любое поверхностное заявление о том, что Библия здесь стоит гораздо выше Корана, было бы крайне несправедливым: слишком легко увидеть соринку в чужом глазу, не замечая того, что у тебя в глазу бревно. На самом деле в Библии тоже есть тексты про кровь и насилие, которые на протяжении столетий мучили верных читателей и стали привлекать к себе еще больше внимания на фоне нынешних споров о связи религии с насилием. В частности, здесь уместно вспомнить о книге Джона Коллинза «Оправдывает ли Библия насилие?» и книге Эрика Сейберта «Опасное поведение Бога». Тем не менее эти мрачные тексты слишком часто игнорируют, тогда как они заслуживают внимания. Это позволяет христианам и иудеям самоуверенно критиковать Коран как милитаристский манифест, отражающий варварство древних народов {13}.

В Библии можно найти много «текстов террора» (выражение американского богослова Филлис Трайбл), и библейское насилие иногда носит крайне дикий характер. Так, многие любят Псалом, начинающийся словами: «Там, у рек Вавилонских сидели и плакали мы, вспоминая Сион», однако в конце его говорится о блаженстве того, кто разобьет череп вавилонского младенца о камень {14}. Нет сомнений в том, что Коран призывает верных сражаться, но там также говорится о милости к сдавшимся врагам. В некоторых же пугающих библейских отрывках, напротив, содержится призыв к полному уничтожению врагов, всех семей и народов, — мужчин, женщин и детей и даже их скота, чтобы от них не осталось ничего {15}.

В некоторых библейских
отрывках содержится призыв
к полному **уничтожению**
врагов, всех семей и народов, —
мужчин, женщин и детей и даже
их скота, чтобы от них не осталось ничего

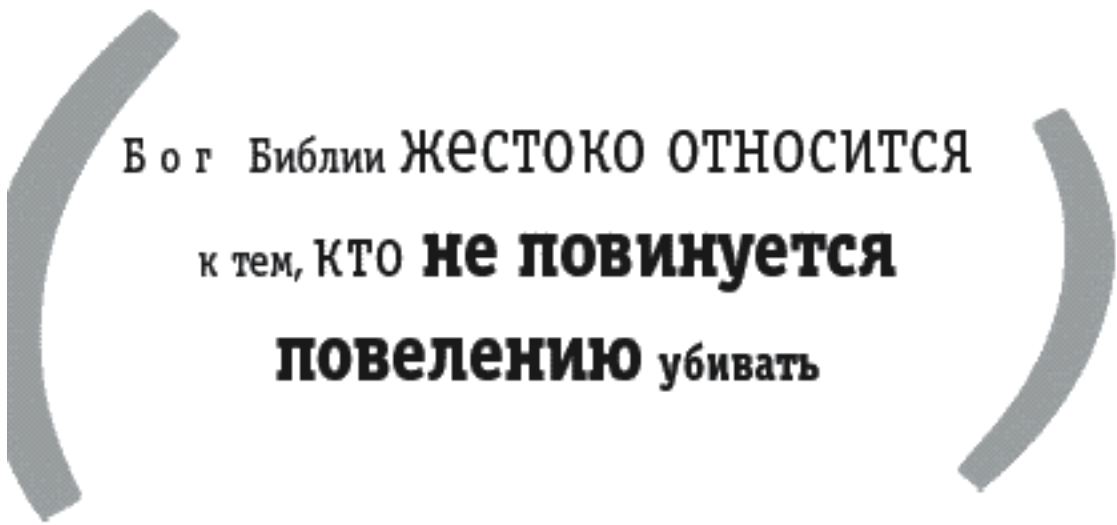
Если бы христиане или иудеи захотели найти библейские тексты для оправдания терроризма или этнических чисток, они бы столкнулись лишь с той проблемой, что таких текстов невероятно много {16}. Допустим, кто-то хочет оправдать поведение террориста-смертника. Коран мало что прямо говорит на эту тему, за исключением общих призывов к войне во имя Бога. Зато некоторые библейские отрывки как будто специально созданы для этой цели. Вспомните о герое Самсоне, которого взяли в плен в Газе и ослепили, но он, тем не менее, был готов обрушить здание храма на головы множества своих мучителей:

«Пусть я умру вместе с филистимлянами!» — воскликнул Самсон. Он изо всех сил налег на столбы, и дом обрушился — на филистимских правителей и на всех, кто там был. Самсон, умирая, убил еще больше врагов, чем при жизни! {17}

Можно ли найти текст, который бы лучше оправдывал поведение современных террористов-смертников — в той же Газе или где-то еще?

Более всего кровавых текстов мы найдем в библейских книгах, повествующих об истории детей Израиля после бегства из Египта, когда они покоряют свою новую территорию — землю Ханаана. Эти события предвещает книга Второзаконие, в которой Бог провозглашает: «Будут пьяны от крови стрелы Мои, будет Мой меч пожирать плоть». Далее следует настоящая оргия милитаризма, порабощения и расовой войны в Книге Иисуса Навина и Книге Судей. Сам Моисей неоднократно высказывает одобрение этой кампании, когда говорит своим последователям, что, придя в Ханаан, они должны уничтожить все народы в местных городах — особенно в тех, что предназначены для евреев {18}. Воюя, они должны следовать правилу *херема*, когда города подпадают под заклятие. Эти правила требуют, чтобы все живое, что только есть в городе, все дышащее было уничтожено и стало как бы массовым принесением людей в жертву. Бог повелевает: не оказывайте им милости! Иисус Навин, преемник Моисея, показывает, что он хорошо усвоил это повеление. Покорив город Гай, он, повинаясь указанию Бога, забирает себе домашних животных и добычу, а двенадцать тысяч жителей города предает смерти. Разбив в битве и пленив пятерых царей, он убивает военнопленных, вешая или распиная их {19}. Если бы воины Иисуса Навина и бывшие после него судьи совершили подобные действия в современном мире, наблюдатели не задумываясь обвинили бы их в военных преступлениях, если не в геноциде, и сравнивали бы их с печально известными партизанскими армиями в Уганде или Конго {20}.

Более того, Бог Библии жестоко относится к тем, кто не повинуется повелению убивать. Так, в Первой книге Царств Бог призывает царя Саула поразить амалекитян и перебить у них всех мужчин, женщин, детей и домашних животных. Саул не выполняет этого распоряжения, и тогда на него с упреками набрасывается пророк Самуил, который сам убивает и разрубает на части царя амалекитян Агага. Грех Саула заключался в том, что он не был последователен в массовых убийствах, и это нежелание убивать повлекло за собой его собственный крах и падение его династии. Позже, когда его режим уже подходил к концу, он вызвал дух уже умершего Самуила, и пророк заявил, что для Саула нет спасения: «Ты ослушался Господа: не дал гневу Его обрушиться на Амалека, поэтому Господь так и поступает с тобой сегодня» {21}.

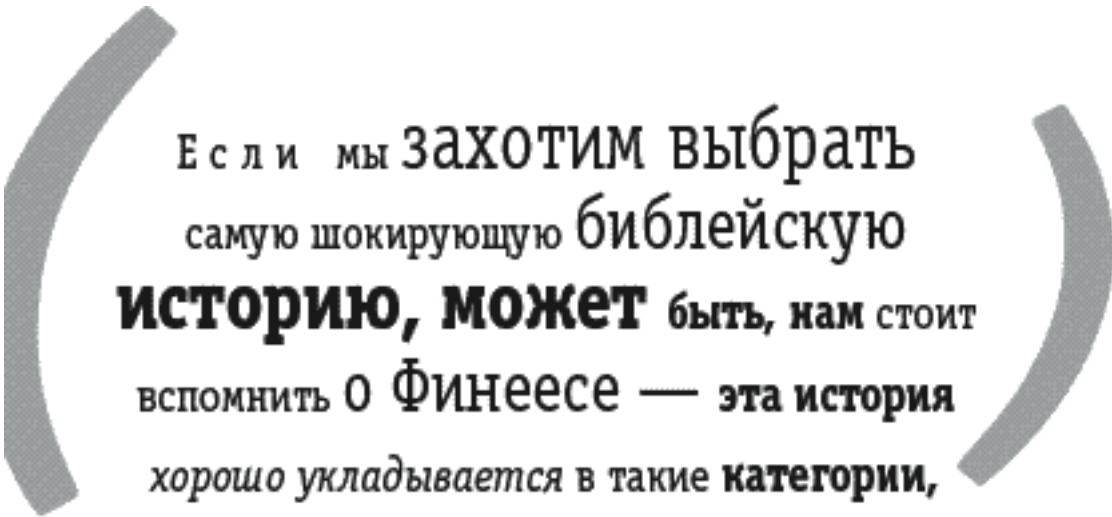

Б о г Библии ЖЕСТОКО ОТНОСИТСЯ
к тем, КТО не повинуется
повелению убивать

Позднейшие попытки понять смысл историй об истреблении ханаанеев и амалекитян напоминают богословские дискуссии о холокосте. Разумеется, исторически это совершенно разные события. Даже если библейские сказания буквально отражают историческую правду, количество убитых здесь ничтожно по сравнению с массовым истреблением евреев и других людей в 1940-х годах. Но в каком-то смысле история покорения Ханаана ставит еще более мучительные вопросы, чем события недавней истории. Размышляя о холокосте, верующие мучительно пытаются понять, почему Бог позволил свершиться всем этим ужасам, тогда как в библейской истории Бог *повелел* проливать кровь и гневался на тех, кто не спешил ревностно исполнять это приказание. Это не вопрос «Почему с хорошими людьми случаются плохие вещи?», но скорее вопрос «Почему Бог велит своему народу делать нечто ужасное относительно других народов?».

Библейские каноны ненависти

Другие библейские отрывки также рисуют картину враждебного отношения Израиля к своим соседям, причем эта вражда санкционирована Богом. Как для Ветхого Завета, так и для Нового Завета крайне важна история о призвании и создании народа, который обещал хранить завет с Богом. В этот завет входило обещание хранить народ и его Землю обетованную от дурного влияния чужеземцев и от любых компромиссов с чужими богами. Читатели Библии, как иудеи, так и христиане, знакомы с героями – пророками или рядовыми верующими, – которые сражались против иноземных захватчиков и могли послужить примером последующим поколениям и всем тем, кто позже противостоял тиранам. Илия собрал вокруг себя малое число твердых последователей, которые не преклонили колен перед Ваалом; Самсон разрушил храм Дагона; Маккавеи освободили Иерусалим от языческих оккупантов. Люди, пытавшиеся осквернить Землю, остались в памяти народа как ужасные злодеи, чьи имена звучали как ругательства: вспомним о Иезавели или о филистимлянах {22}.

Если мы захотим выбрать
самую шокирующую библейскую
историю, может быть, нам стоит
вспомнить о Финеесе — эта история
хорошо укладывается в такие категории,
как расизм и сегрегация

Сегодня гораздо реже вспоминают о других библейских героях, деяния которых с современной точки зрения укладываются в такие категории, как расизм и сегрегация. Если мы захотим выбрать такую библейскую историю, которая сильнее всего шокирует наших современников, может быть, в первую очередь нам стоит вспомнить о Финеесе, о которой большинство нынешних читателей Библии ничего не знает. В начале истории говорится о том, что дети Израиля стали брать в жены моавитянок, так что у двух народов появился общий культ. В ярости Бог велит повесить вождей Израиля под солнцем, чтобы утолить его гнев. Моисей повелевает своим подчиненным убивать всякого из тех, кто взял себе в жены чужестранку или «кому полюбился Ваал Пеорский», а в это время от мора гибнет двадцать четыре тысячи евреев. К счастью, Финеес, внук Аарона, предотвращает дальнейшее развитие катастрофы с помощью убийства смешанной пары: еврея, взявшего в жены мидьянтянку. Удовлетворенный Бог останавливает поветрие и благословляет Финееса с его потомками {23}.

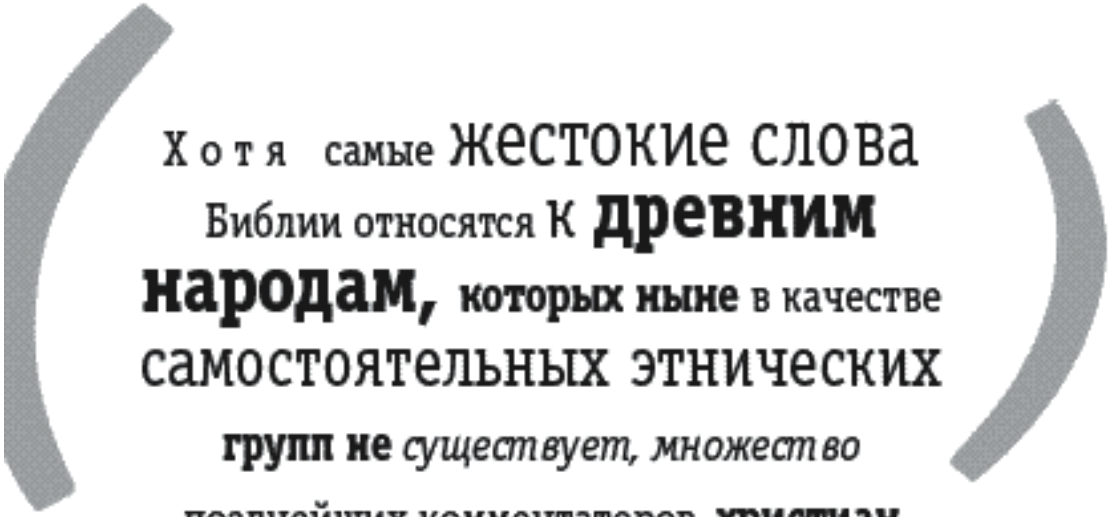
Нынешние американские расисты любят вспоминать о Финеесе. В 1990 году Ричард Келли Хоскинс сделал эту историю основой своего манифеста «Комитет бдительности христианского мира». Хоскинс призывал к созданию воинствующей организации людей белой

расы – Священства Финееса, – и с тех пор так себя стал называть ряд маргинальных групп, оправдывая Ветхим Заветом устрашающие нападения на межрасовые пары и на абортарии. До сих пор идут споры о том, был ли таким «священником Финееса» Тимоти Маквей, совершивший теракт в Оклахома-сити; по крайней мере, он был близок к этому движению {24}.

Пощадишь врага – будешь проклят

Когда мы сравниваем Коран с Библией, мы нередко делаем поспешный вывод о том, что между ними существует огромная разница. Библия *рассказывает* об актах насилия, совершенных в далеком прошлом, в то время как Коран *велит* употреблять насилие здесь и сейчас. Таким образом, Библия, как полагают, повествует о древних кампаниях против забытых народов, которые ныне интересуют лишь археологов, в то время как Коран призывает «сражаться с неверными» – и этот призыв сохраняет значение в любую эпоху.

Но это ложное противопоставление. Как бы ни понимали Коран комментаторы, возможно, там нет предписаний всегда применять насилие против неверных, но речь идет о войне против отдельных арабских кланов или группировок VII века н. э. В то же время многие поколения христиан и иудеев с легкостью прилагали повеления Библии к своей эпохе. Хотя самые жестокие слова Библии относятся к древним народам, которых ныне в качестве самостоятельных этнических групп не существует, – к амалекитянам или ханаанеям, – множество позднейших комментаторов, христиан и иудеев, с легкостью распространяли эти проклятия на другие расы и народы.

Х о т я самые **ЖЕСТОКИЕ** слова
Библии относятся к **древним**
народам, которых ныне в качестве
самостоятельных **ЭТНИЧЕСКИХ**
групп не существует, множество
позднейших комментаторов, **христиан**
и иудеев, с легкостью распространяли
ЭТИ ПРОКЛЯТИЯ на другие расы
и народы

Эти истории, полные ненависти и конфликтов, повлияли отнюдь не только на безумных экстремистов или отдельных читателей, стремившихся оправдать злодеяния, которые они и без того готовы были совершить. Библия полна жестокостей, но для нас еще важнее, что эти истории на протяжении веков влияли на умы величайших мыслителей как иудейской, так и христианской традиции. Хотя иные из них осуждали эти истории как безнравственные, большинство самых выдающихся богословов до сравнительно недавнего времени решительно оправдывало акты насилия и истребление людей.

Один текст Талмуда, вероятно, созданный в III веке н. э., рассказывает о том, как Саул возражает Богу, повелевшему ему истребить амалекитян. Да, говорит Саул (и это отражает беспокойство современных читателей), допустим, мужчины заслужили смерти за свои грехи, но чем виноваты женщины? В чем грех детей? Что такого совершили корова, вол и осел? Но голос с неба говорит, что ему не надо пытаться быть добрее самого Бога: «Не будь чересчур праведным» {25}. Некоторые выдающиеся христианские богословы довели такой подход до логического завершения, так что им удавалось (хотя бы для самих себя) оправдывать массовое убийство детей врагов. Они создали дееспособное богословие массовых убийств, которое вполне можно сравнить с апокалиптическими фантазиями самых крайних исламистов нашего времени.

На протяжении христианской истории верующие использовали повествования о Моисее и Иисусе Навине, чтобы создавать свои теории войны, ссылаясь на библейские примеры, которые говорят о том, что сражаться и воевать за Бога – то есть вести своеобразный христианский джихад – вполне законно. Ведущие мыслители создали хорошо продуманную теорию «справедливой войны», которая накладывает определенные ограничения на военные действия, а в то же время экстремисты стремились восстановить беспощадную практику *херема* и библейской священной войны, войны без милости {26}.

Подобно исламистам, христиане воплощали свои представления на практике, опираясь исключительно на Писание. В Европе насилие достигло своей кульминации в период религиозных войн XVI и XVII веков, когда каждая группировка видела в своих (христианских) противниках амалекитян, которых можно только уничтожить. Если взять один пример из многих: когда в 1646 году шотландские протестанты разбили ирландскую армию роялистов, духовенство посоветовало казнить всех пленных до единого. Шотландские солдаты утопили восемьдесят женщин и детей, в то время как «победителям снова и снова напоминали о проклятиях для тех, кто щадит врагов Божиих: они падут на голову того, кто даст возможность спастись хотя бы одному амалекитянину [католику]». Любой человек может быть амалекитянином или ханаанцем для кого-то еще {27}.

**« ... п о б е д и т е л я м с н о в а И С Н О В а
напоминали о проклятиях для
тех, кто щадит врагов Божиих »**

Когда в конце XVII века измученная христианская Европа после нелегких переговоров несколько успокоилась, новые волны колонистов начали опираться на те же подкрепленные Библией принципы на других материках, покоряя народы двух Америк и Африки. Христиан уже давно завораживал миф об исходе – о бегстве от угнетателей в иную страну, где можно установить священный порядок. Но за исходом из Египта неизбежно следует покорение Ханаана с искоренением местного населения. В начале XX века пропитанная Биб-

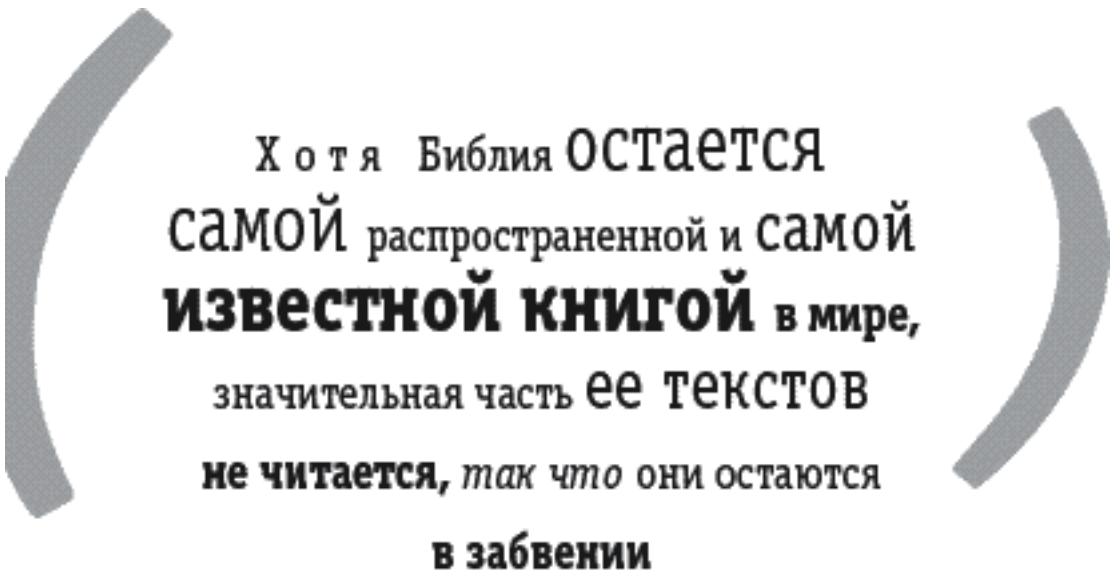
лией немецкая администрация колонии в Юго-Западной Африке разработала радикально новый подход к своим туземным подданным, для которого использовался библейский термин *Vernichtung*, уничтожение. Позднее это слово – и соответствующая практика – вернулось в Европу. Библия окутывала христиан идеей и образами уничтожения {28}.

Сравнивая Библию с Кораном, я намеренно оставляю в стороне исторический опыт как ислама, так и христианства и иудаизма. Ислам имеет долгую историю завоеваний и религиозных войн, в процессе которых мусульманские армии и режимы подчиняли себе или истребляли приверженцев иных вер: агрессивный джихад во имя Бога с оружием в руках не миф. С VII по XVII век мусульманские властители оправдывали религией свою политику завоеваний и расширения империи, то же самое делали и христианские вожди на Западе начиная с эпохи Возрождения. Только историк, имеющий в голове полную картину за много веков, может дать разумный ответ на вопрос, во имя какой из религий совершалось больше актов насилия и разрушения – во имя ислама или христианства. Но если взять основные священные тексты обеих религий, то в тех и в других мы встретим жестокость и неприемлемые вещи – то есть в этом смысле разница между ними невелика.

Если террористы и экстремисты находят религиозные тексты для оправдания своих действий, это еще не значит, что их насилие на самом деле коренится в священных писаниях. Сама такая мысль отражает грубый фундаментализм, веру в то, что любые проявления данной религии должны каким-то образом опираться на авторитет священного текста, – или, напротив, веру в то, что само наличие такого-то священного текста означает, что его идеи обязательно воплотятся в истории. Почему, скажем, рассказ о смерти Самсона не породил террористов-смертников в иудейской или христианской традиции? Когда христиане или иудеи указывают на призывы к насилию в Коране (или Хадисе) и говорят, что эти тексты пятнают собой всю религию, это подводит нас к неизбежному вопросу: а что можно сказать об их собственной вере? {29} Если важнейшие священные тексты формируют всю религию, следует считать иудаизм и христианство кровавыми религиями. Но, разумеется, они не таковы, как и ислам.

Священная амнезия

Хотя Библия повествует о божественной жестокости, сегодня это мало отражается на жизни верующих (по крайней мере, на Западе), которые видят в этой книге фундаментальный источник религиозного авторитета. Даже когда они читают соответствующие отрывки Писания, они их не замечают и не размышляют над ними. Хотя Библия остается самой распространенной и самой известной книгой в мире, значительная часть ее текстов не читается, так что они остаются в забвении. В последние годы были предприняты многочисленные попытки сделать сенсации из заново открытых так называемых сокровенных евангелий и утерянных книг Библии, тем не менее сокровенные и утерянные тексты можно найти в обычной Библии, которая у многих стоит на полке, на страницах, которые люди никогда не открывают.

Х о т я Библия Остается
с а м о й распространенной и с а м о й
ИЗВЕСТНОЙ КНИГОЙ в мире,
з нач и т е л ь н а я ч а с т ь е е т е к с т о в
н е ч и т а е т с я , т а к ч т о о н и о с т а ю т с я
в з а б в е н и и

Хотя читатели утверждают, что верно и буквально следуют священному тексту, на практике они опускают целые его большие разделы, так что фактически отрицают их существование. Если же верующие таким образом умело справляются с неприятными текстами, значит, авторитет Писания не безграничен, а его влияние на церковь может меняться. Это также может дать нам убедительную модель потенциального развития ислама. Может ли вера перерастить священные тексты, которые призывают к примитивной жестокости? Христиане и иудеи показывают, что это возможно.

Любая вера содержит в себе такие элементы, которые неприемлемы или возмутительны для современного человека, перед каждой из них стоит проблема, как вобрать в себя или примирить эти неприятные тексты или идеи. В некоторых случаях в процессе развития религии дикие тексты подвергаются столь глубокому забвению, что рядовые верующие просто не знают об их существовании или, по меньшей мере, не считают их авторитетными для современности. Тексты, подобно людям, могут жить или умирать. И весь этот процесс, когда одни избранные тексты забывают, а другие хранят в памяти, чтобы перерастить жестокость, содержащуюся в священных писаниях, — это наиважнейшая вещь, которой следует научиться любой религии. Это вовсе не компромисс и не отказ от ключевых ценностей веры, но важнейший момент развития любой религии. Западные люди часто выражают надежду на то, что ислам каким-то образом очистится от насилия, когда с ним произойдет то же

самое, что с христианством, которое пережило глубокие изменения после начала эпохи Просвещения. На практике для такого изменения мусульманам не обязательно усваивать уроки иных традиций, но для этого им достаточно следовать внутренней логике собственной веры, поскольку у всех верующих возникает подобная амнезия относительно самых кровавых и агрессивных текстов {30}.

Верующие находят разные стратегии для нейтрализации текстов, которые вызывают у них отталкивание. Если текст невозможно просто объявить ничем не значащим или убрать, с ним можно справиться иными способами. Его можно перечитывать, снова к нему обращаться и подвергать новой интерпретации, пока он не перестанет казаться опасным. Сегодня в большинстве западных церквей самые пугающие и смущающие людей отрывки просто не читаются публично и, как правило, о них не произносят проповедей. Хотя формально их не исключили из библейского канона, эти неприятные тексты в лучшем случае холодно терпят. Даже самый верный член церкви не столкнется с такими дилеммами, которые встали перед Саулом в момент убийства амалекитян, или перед Финеесом, или перед израильтянами, услышавшими повеление Бога не оказывать милости покоренным народам.

К н и г а Эсфири — ОДНА ИЗ самых
жестоких КНИГ в Библии

В качестве иллюстрации можно взять Книгу Эсфири, художественную романтическую прозу, повествующую о заговорах при дворе персидского царя Артаксеркса. Злобный советник царя Аман плетет интригу с намерением истребить всех евреев империи, но ему противостоят евреи: придворный Мордехай и великолепная царица Эсфирь. Мало кто из историков согласен с тем, что эта книга отражает реальные события. Но это также кровавая книга, одна из самых жестоких книг в Библии. Когда Амана вешают, евреи подвергают его народ всем тем карам, которые он готовил против них. Победившие «иудеи перебили всех своих врагов, предали их мечу, убили, истребили — как хотели, так и поступили со своими недругами». Тогда многие обратились в иудаизм, «потому что их объел страх перед иудеями», которые «перебили семьдесят пять тысяч своих недругов». Хотя Бог не отдавал на этот счет никаких распоряжений, эта массовая бойня совершилась, а затем ее торжественно вспоминали. «То было тринадцатое число месяца адар, а четырнадцатого числа они отдыхали — был у них день пира и радости» (то есть праздник Пурим) {31}. Книга Эсфири заняла свое место в каноне как Еврейских писаний, так и христианской Библии.

Как это должны воспринимать современные христиане? На самом деле большинство из них об этом просто не думает. Представьте себе верующего, который сегодня посещает одну из популярных церквей, где используется современный сборник библейских чтений *Revised Common Lectionary*. В нем отрывки из Библии распределены по трехгодичному

циклу, так что человек, посещающий все воскресные службы, сможет услышать множество текстов Ветхого Завета, однако эти тексты тщательно подобраны. За три года постоянные посетители церкви услышат лишь один тщательно отредактированный отрывок из Книги Эсфири, составляющий около 6 процентов от всего текста^{32}. В этих чтениях говорится о том, что Аман был повешен, но нет ни слова о массовых убийствах. В конце отрывка речь идет об установлении священного праздничного дня, когда надлежит радоваться и дарить друг другу подарки, но из него мы не поймем, что послужило поводом для такого торжества. Таким образом, в повседневном опыте христианской жизни в церкви Книга Эсфири в буквальном смысле отсутствует. То же можно сказать о большей части Книги Иисуса Навина. Обе книги подверглись продуманной текстуальной чистке. В остатке мы имеем приемлемую Библию облегченного типа.

Забывать – перестать мучиться

Такой подбор библейских текстов вносит свой вклад в избирательную амнезию, которая играет ключевую роль в процессе развития любой религии, основанной на священных текстах. В Библии крайне часто упоминаются слова, касающиеся *памяти* и *припоминания*: Бог *вспоминает* о своем завете; он *помнит* своих пророков; верным предписано *помнить* о его деяниях и заповедях. Во многом эта работа памяти сводится к тому, чтобы записывать и копировать рукописи, к созданию текстов, которые канонизируются и становятся Священным Писанием. Но не менее важную роль здесь играет процесс забывания, который позволяет религии развиваться так, чтобы соответствовать изменениям жизни, и который предполагает, что надо постоянно снова и снова интерпретировать древние тексты. Если создание текста позволяло сохранить память, то редактирование позволяет забывать, сделать избранные воспоминания как бы не бывшими {33}.

Для современного историка темы памяти и забвения служат ключом для понимания общества, и сегодня появилось множество книг о памятниках, мемориалах и коллективных актах воспоминания, за которыми стоит богатая индустрия. Культуру определяет то, что она желает помнить и какие воспоминания хочет праздновать, и о том, какие воспоминания достойны внимания, всегда ведутся споры. Так, например, в 2010 году все критиковали штат Вирджиния, в котором прошел месяц истории конфедератов. Разумеется, когда предпочитают помнить какие-то события или каких-то людей, для этого нужно забыть о других событиях и людях. Эти вопросы еще острее стоят в Европе, которая пережила ужасные события войны и геноцида, но без селективной амнезии общество не может двигаться вперед. Историк Тони Джадт заявил, что «послевоенная Европа изначально созидалась... на основе забвения как способа жизни» {34}.

Здесь уместно подумать об одной биологической аналогии. Ученые давно поняли, насколько важна память для работы человеческого мозга, но лишь недавно они начали понимать биологию забвения. Чтобы функционировать в повседневной жизни, нам нужно помнить о многих вещах, но нам следует также научиться забывать. Разве это не было бы полным кошмаром, если бы мы хранили воспоминания о каждом моменте нашей жизни, о каждом банальном разговоре с наших детских лет? Наша память могла бы нас раздавить. И подобные страдания знакомы медицине – это ужасное заболевание. Но работа некоторых наших нейронных сетей направлена именно на то, чтобы мы могли забывать ради движения вперед. Ключевую роль здесь играет нейромедиатор, идентифицированный около двадцати лет назад и получивший привлекательное (и напоминающее о религии) название анандамид – от индийского термина *ананда*, который описывает удовольствие или блаженство. Без удовольствия или радости нет забвения, и наоборот. Забвение создает основы для припоминания {35}.

Религии, подобно отдельным людям, растут на основе забвения. Религии создают свои писания, которые обретают канонический статус. По мере роста религии в смысле ее масштабов и продуманности она в какой-то момент начинает понимать, что ее священные тексты содержат недостатки и ограничения, и старается видеть их в соответствующем историческом контексте. Если религия добивается успеха – если она жизнеспособна, растет и оказывает влияние на общество, – тогда она неизбежно перерастает хотя бы часть того, что содержится в ее древних священных писаниях. В то же время наивысшие этические и нравственные стандарты этой религии распространяются в обществе и становятся нормальными общими стандартами, которым все неизбежно следует. Вот что об этом сказал философ Рене Жиар: «Библия была первым текстом, описывающим процесс мучений с точки зрения

их жертвы, и именно это, в итоге, повлияло на наше особо чуткое отношение к насилию... Парадоксальным образом мы критикуем Библию, опираясь на библейские основания» {36}.

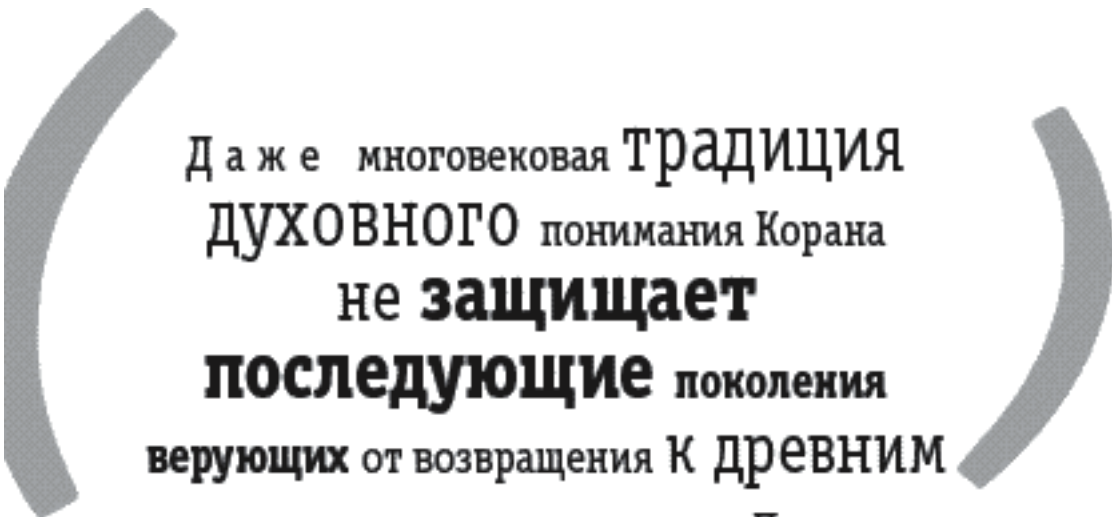
По иронии судьбы эти изменения в религии пробуждают антирелигиозные чувства. Не понимая того, что подобные этические прозрения сами укоренены в религии, позднейшие поколения секулярных критиков ссылаются на эти стандарты, когда нападают на религию и ее тексты. Но подобная критика крайне несправедлива. Чем яростнее мы выискиваем тексты вроде Книги Иисуса Навина, чем сильнее мы возмущаемся массовыми убийствами ханаанян и амалекитян, тем больше мы получаем свидетельств об *успехе* религий, основанных на Библии, а вовсе не доказательств того, что эти религии примитивны и кровожадны.

Почему опасно забывать

Однако забвение – вещь двусмысленная. Казалось бы, способность забыть о жестокости библейской истории весьма похвальна, поскольку благодаря ей христиане и иудеи могут оптимистически полагать, что они достигли такого этапа развития, к которому исламу пока еще остается только стремиться, – и что мусульмане в один прекрасный день забудут свои тексты о войне и кровопролитии. Однако мы были бы не вправе сказать, что религии, основанные на Библии, более разумны, чем ислам, или опережают его по своему развитию. На практике у религий не бывает однолинейного пути эволюции, и тексты, которые, казалось бы, навсегда преданы забвению, никуда не исчезают. Скорее они как бы ускользают из сознания, но остаются как бессознательные тексты в священных писаниях. Пугающие слова спят, но могут вернуться к жизни в состоянии крайнего напряжения и конфликтов. Здесь уместно вспомнить слова Уильяма Фолкнера: «Прошлое никогда не мертво. И оно даже не прошлое».

Ислам на протяжении своей истории также подвергал свои писания пересмотру и цензуре – и будет это делать когда-нибудь снова. Было бы нелепостью думать, что исламский мир должен пассивно усвоить выводы ученых и критиков западного Просвещения, чтобы эта религия вступила на путь более возвышенного и мирного развития. С самых первых веков его истории некоторые читатели Корана использовали рационализм и символический подход, причем это не ограничивалось узким кругом мудрецов. На протяжении столетий мирные мусульманские общества не обращали внимания на воинственные тексты сур *Аль-Анфаль* и *Ат-Тауба*, за исключением мистиков, которые видели в них призыв к внутренней духовной битве, к «величайшему джихаду» души. Такое понимание джихада совершенно аутентично, хотя есть и другие его интерпретации. Мусульмане-суфии особенно ценили аллегорическое и духовное понимание Корана и посмеивались над буквалистами, которые полагали, что священный текст призывает к реальной войне. Однако когда мусульманский мир переживал периоды политического унижения и системных культурных кризисов, возмущенные активисты снова вспоминали о кровавых текстах и строили с их помощью суровые доктрины вооруженных конфликтов. На протяжении тысячи лет суфии получали поддержку преимущественно на территориях Северной Африки и Южной Азии – в местах, которые в последние десятилетия стали оплотом радикализма и военного джихада, например, в таких странах, как Пакистан или Алжир. Даже многовековая традиция духовного понимания Корана не защищает последующие поколения верующих от возвращения к древним кровавым толкованиям Писания.

Если же говорить о религиях Библии, то просто делать вид, что пугающих текстов не существует, опасно, потому что в момент конфликта экстремисты могут о них вспомнить. Большинство иудеев будет удивлено, узнав, что древняя заповедь предписывает им ненавидеть амалекитян, стремиться уничтожить этот народ и стереть его имя с лица земли. Да и где сегодня можно было бы найти амалекитянина, даже если бы нам захотелось эту заповедь исполнять? Однако сегодня призывы Библии сражаться против амалекитян и ханаанеев вдохновляют некоторых ультраортодоксальных иудейских экстремистов совершать нападения на арабов и мусульман, а в последнее время все чаще также на либеральных или умеренных сторонников иудаизма. Заповедь об амалекитянах оказалась искрой, от которой возник пожар одного из самых кошмарных массовых убийств в истории современного Израиля, когда иудейские террористы убили десятки мусульман, собравшихся для молитвы в мечети в Хевроне. Хотя большинство ученых и духовенства интерпретирует смущающие отрывки таким образом, чтобы они не вдохновляли на акты насилия, достаточно нескольких экстремистов, чтобы эти тексты снова показали свои когти (а читатели снова увидели в них призыв к пролитию крови).

**Да же многовековая традиция
духовного понимания Корана
не защищает
последующие поколения
верующих от возвращения к древним
кровавым толкованиям Писания**

Библейские тексты влияют также на умы правителей. Когда один американский журналист спрашивал советника израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху, чем объясняется столь жесткая позиция государства относительно Ирана, тот ответил: «Вспомните об Амалеке». И это было не просто красивой фразой, данный ответ отражает глубоко укорененное представление, которое распространяется на всех врагов еврейского государства. Когда в 2010 году разрушительный компьютерный вирус Stuxnet помешал работе иранской ядерной программы, на первом месте среди всех подозреваемых оказался Израиль. Это подозрение усиливала одна особенность вируса: в его коде содержалась скрытая ссылка на Книгу Эсфири – древнее повествование о том, как евреи отомстили своим врагам. Специалисты по Ближнему Востоку возвращаются мыслями к Библии, когда говорят о так называемой опции Самсона – идее о том, что Израиль, когда ему будет грозить поражение, вправе использовать свое ядерное оружие, после чего начнется ядерный Армагеддон. А если Израиль начнет запускать ядерные боеголовки, их будут переносить баллистические ракеты этого государства под названием «Иерихон-3». Это название, несомненно, указывает на Книгу Иисуса Навина{37}.

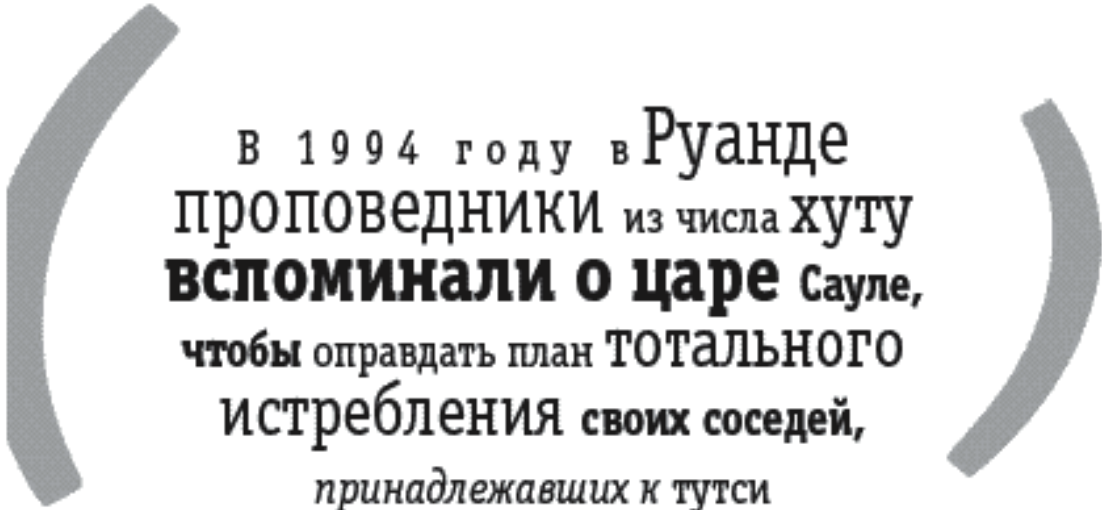
С п е ц и а л и с т ы по Ближнему
Востоку возвращаются мыслями
к Библии, **когда говорят**
об «опции Самсона» — идее О ТОМ,
что Израиль, *когда ему* будет грозить
поражение, **вправе** использовать **свое**
ядерное оружие, **После чего**
начнется ядерный Армагеддон

Старая Библия и новые христиане

Если говорить о христианах, забытые тексты для них не исчезли бесследно, но они ждут, когда их заново откроют в церквях, члены которых думают иначе, чем думают западные люди. Это могут быть маргинальные секты или культы либо новые церкви, которые растут в других частях света. И это сегодня вполне реально, поскольку в результате тектонического сдвига резко выросла доля христиан на Юге – в странах Африки и Азии, где люди все еще помнят о колониализме и гнете империй. Эти новые христиане с жадным интересом читают тексты Библии об имуществе и защите земли, о колонизации и изгнании местных уроженцев {38}.

Такие христиане сталкиваются с мучительными дилеммами, когда читают библейское повествование о покорении Ханаана и войнах с врагами после исхода из Египта. Они желают относиться к Библии серьезно, но находят в ней такие повествования, в которых им легче идентифицировать себя с вытесняемыми народами Святой земли, а не с ее захватчиками, – идентифицироваться с ханаанеями и моавитянами, но не с евреями. Ситуацию усугубляет еще и то, что европейские колонизаторы веками осознанно пользовались историей покорения Ханаана как моделью для собственных действий. Уроженка Зимбабве Дора Мбувайе-санго говорит, что история Иисуса Навина «содержит в себе программу колонизации Южной Африки». В статье под названием «Ханаанеи, ковбои и индейцы» Роберт Аллен Уорриор, ученый, в жилах которого течет кровь индейцев, говорил, что его народ вряд ли когда-либо мог найти что-либо позитивное или дух свободы в историях об этническом угнетении. Некоторые библеисты Третьего мира заявляют, что за историей западного империализма и американской доктриной «предначертания судьбы» кроется патологический симптом Иисуса Навина {39}.

Сегодня на жестокие тексты, вроде Книги Иисуса Навина, обращают гораздо больше внимания, чем это было на протяжении многих веков раньше, поскольку там речь идет об убийствах, которых большинство западных христиан не видело в своей жизни. Джионе Хавета, ученый из Конго, рассказывал о том, с каким ужасом эти тексты читают жители бывших европейских колоний Южно-Тихоокеанского региона. Посетители церкви «плакали от отчаяния... слушая истории о местных жителях Заиорданья, земля которых была завоевана и чьи города, деревни и села были начисто разрушены» {40}. Африканцы слишком хорошо знакомы с бродячими вооруженными людьми, которых собирают пророки-самозванцы, – эти люди готовы убивать и насиловать во имя Бога. Подобные движения можно отнести к особому классу проявления синдрома Иисуса Навина.

В 1994 году в Руанде
проповедники из числа хуту
вспоминали о царе Сауле,
чтобы оправдать план **ТОТАЛЬНОГО**
истребления своих соседей,
принадлежавших к тутси

Но пока одни христиане ищут в Библии оправдание для колониализма, другие страстно исследуют Библию – всю Библию, включая Второзаконие и Книгу Иисуса Навина. Последнее (скажем, христиане Нигерии или Судана), столкнувшись с опасностью джихада или гонения со стороны представителей других религий, сначала пытались подставить другую щеку, но через какое-то время вспомнили о страшном Боге битвы, о котором так много говорит Ветхий Завет, о Господе Боге воинств. По крайней мере, некоторые из них считают себя победоносными израильтянами, которым надлежит завоевывать и проводить чистки. В 1994 году в Руанде проповедники из числа хуту вспоминали о царе Сауле, чтобы оправдать план тотального истребления своих соседей, принадлежавших к тутси. И еще не родился тот последний христианин, который будет призывать к истреблению другого народа, ссылаясь на убийство амалекитян.

Если новые верующие обратятся к кровожадным отрывкам Писания и извлекут из них опасные уроки, западные ведущие церкви не смогут их остановить, не смогут исправить положение, опираясь на свой многовековой опыт нейтрализации спорных текстов. Западные церкви перестали размышлять об этих текстах, а потому утратили свою коллективную память. Поэтому у них нет базиса для диалога с христианами Юга, а это создает основу для нового великого раскола.

Жестокие библейские тексты и атеизм

Есть и другие причины, почему жестокие библейские тексты сегодня привлекают к себе больше внимания. Это столкновение людей Запада с исламом и желание понять теракты, совершаемые во имя этой религии. Чем больше западные люди указывают на неприемлемые тексты в Коране, тем острее встает вопрос о подобных текстах, входящих в культурное наследие Запада. Сегодня, когда христиане и мусульмане все чаще встречаются друг с другом на земном шаре, им нужно найти мирные формы взаимодействия, найти основы для диалога. Если при этом западные верующие – иудеи или христиане – опираются на избирательные и неверные представления о собственной вере и ее компонентах, которые чреваты насилием и нетерпимостью, у них не остается основы для диалога с исламом.

Если западные христиане незнакомы с мрачными отрывками Библии, это несет в себе потенциальную опасность для их собственной веры. Хотя они вряд ли услышат эти тексты в церкви, они сталкиваются с ними при чтении Библии или, как это происходит сегодня, когда эти отрывки цитируют страстные борцы с религией из числа новых атеистов, такие как Сэм Харрис или Кристофер Хитченс. Ричард Докинз, например, находит в Библии немало материалов, достойных сожаления: Бог Библии – это «любитель резни, кар и геноцида, мстительный ревностный расист, чудовищный Бог Ветхого Завета»^{41}. Когда авторы из атеистов указывают на пугающие тексты, нынешние христиане не находят верных ответов, а многие из них с ужасом видят, что Бог в самом деле дает такие страшные повеления. Если верующие игнорируют собственные священные тексты, им трудно вести убедительный диалог с атеистами или секуляристами.

Если рядовой верующий не слышит эти тексты и споры о них, как он с ними обращается? Чаще всего современный читатель Библии просто не принимает во внимание Книгу Иисуса Навина и подобные тексты как примитивный слой Библии, не имеющий отношения к позднейшим эпохам и особенно к христианству. Это, говорит он себе, «просто Ветхий Завет». Такой подход опасен – здесь читатель неосознанно следует Маркиону, древнему еретику, который предпринял попытку вообще отделить Ветхий Завет от новой религии, основанной Иисусом. На практике многие христиане воспринимают Ветхий Завет как по сути археологический или исторический материал, который слабо связан с Новым Заветом. В таком случае читатель видит в жестокости Иисуса Навина устаревшее проявление ветхозаветного мышления и винит в такой кровожадности еврейскую традицию, от которой мы, как он думает, уже освободились.

Правда и примирение

Религиям надлежит преодолевать свои кровавые истоки, но в то же время им нужно признать, что такие вещи имели место, познакомиться с ними и понять, как они вписываются в общий контекст веры. Я пишу данную книгу, чтобы предложить определенный подход к восприятию подобных текстов – включая самые трудные отрывки, такие как история Финееса и убийство ханаанейян, – и показать, как их можно усвоить, понять и свободно обсуждать. Сегодня верующим следует обратить внимание на эти мрачные отрывки и, быть может, признать, что из-за них совершалось зло, но в то же время опираться на них в понимании тех процессов, которые создают священные тексты и религию. Если у нас есть такая основа, мы обретаем способность выбирать, какие тексты мы вправе отбросить (если такие есть), а какие будут служить для нас неиссякаемым источником мудрости и вдохновения. И эти пугающие тексты не просто могут обращаться к нам, но мы можем найти в них все их богатство и их силу. И тогда мы поймем, что попытка забыть об этих мрачных отрывках несет в себе ошибку. Христиане могли бы здесь руководствоваться словами самого Иисуса, который, обращаясь к людям малой веры, говорил: «Что вы так боязливы?»{42}

Только такое прочтение позволит нам увидеть, что любой отдельный библейский текст невозможно понять вне контекста исторического развития и созревания данной традиции. И опять же, если говорить о христианстве, это позволит верующему искренне признать, что его вера укоренена в Ветхом Завете. Христианство имеет смысл лишь в том случае, если оно было кульминацией всей Еврейской Библии, включая ее самые неудобные тексты. Иисуса звали Иешуа, Иесу, и его имя было местной формой имени Иисуса Навина, так что несло в себе воспоминание об этом великом и глубоко испорченном воителе. В греческом тексте оба имени пишутся одинаково *Iesous*. Один *Iesous* уничтожил жителей Иерихона, другой *Iesous* умер на кресте. Один *Iesous* перебил ханаанеев, другой исцелил дочь ханаанейки. Христианские мыслители на протяжении многих веков видели здесь преемственность, пока Маркион не одержал своей новой победы посмертно. Более того, Новый Завет говорит нам о том, что мировоззрение Иисуса было пропитано Еврейской Библией и особенно он любил Второзаконие, книгу, которая содержит столько мест, смущающих современного читателя. Апостол Павел тоже был очарован этой книгой. Если закрыть глаза на влияние Второзакония на тексты Нового Завета, он во многом потеряет свою структуру и логику{43}.

Используя такие подходы к Библии, современный читатель сможет насладиться Книгой Иисуса Навина и увидеть в ней нечто большее, чем просто рассказы о древнем варварстве. Когда мы читаем Библию, мы, как правило, полагаем, что порядок расположения книг здесь отражает порядок ее составления, так что самые первые книги относятся к самым древним – что они написаны раньше и по своему содержанию примитивнее по сравнению с более привлекательными и искусными текстами, скажем, книгами пророков Исаяи и Иеремии с их универсализмом. Однако такое представление сбивает нас с толку. Второзаконие и Книга Иисуса Навина не просто были написаны гораздо позже эпохи, когда произошли описанные там события, но они были созданы именно в эпоху великих пророков и говорят о том же самом, о чем говорили пророки, хотя используют иные литературные формы. Хотя они описывают события истории (или псевдоистории), повествуя о битвах и убийствах, эти книги объединяет одна всеобъемлющая и революционная цель – подчеркнуть, насколько важен радикальный монотеизм. Как и пророки, эти книги говорят о том, что Бог Израиля не просто больше богов других народов, но что он есть Господь всего творения, а из этого вырастает идея универсализма, идея обетования, обращенного ко всем людям.

Конкретные истории Книги Иисуса Навина (например) могут нас ужасать, но главная цель и основная мысль текста головокружительны, они строят основание для дальнейшего

развития иудаизма и христианства. Нам надо читать подобные тексты в контексте, целостно, и надо знать историю. И прежде всего нам надо стать выше отдельных стихов и историй – и это позволит нам увидеть Писание таким, каково оно есть.

* * *

Христиане могут обратиться к самым кровавым текстам для того, чтобы углубиться в корни своей веры. Читая текст как целое, зрелые верующие обретут новую способность жить рядом с христианами самых разных традиций и приверженцами других религий, которые также мучительно размышляют о своих проблематичных священных текстах. В идеале опыт каждой религии может быть ценен для всех прочих. Обращение к самым опасным отрывкам Ветхого Завета избавляет от триумфализма: христианин уже не сможет сказать, что приверженцы иных религий, особенно мусульмане, в отличие от него пользуются ужасными свяственными текстами. Этот подход поможет христианам преодолеть многие ошибки: избавит их от ужасающе буквального и неисторического понимания Писания, которое может порождать скуку и отвращение к религии или даже перерасти в отвержение Ветхого Завета (и иудаизма).

Это процесс движения к правде и примирению. Христиане должны научиться говорить о самых трудных местах Библии или даже произносить о них проповеди – даже на текст с жестоким призывом «не оказывать им милости», – не идя при этом на компромиссы или не принося извинений.

I. Кровожадные тексты Священного Писания

*Господь – воин!
Имя Его – Господь!
Исход 15:3*

Библия повествует об уничтожении местных жителей Ханаана. Читая эти истории, мы можем искать утешение в той мысли, что массовые истребления подобного рода были, к сожалению, обычным способом решения конфликтов в древнюю эпоху и что, как бы ни ужасали нас такие вещи сегодня, в те времена в них не было ничего необычного. Но эта мысль глубоко неверна. Даже по стандартам древнего мира массовые убийства, описанные в Библии, выделяются своей жестокостью. Кроме того, позднейшие авторы Библии нигде не осуждают эти кампании или не ставят их под вопрос. Напротив, эти события кладутся в основу позднейшей библейской религии.

1. Уничтожьте все дышащее

*Однако это должен решать не я, но сами мусульмане должны выкинуть стихи Корана, сеющие ненависть.
Герт Вилдерс, «Фитна»*

Христиане евангелического направления часто выбирают «стих жизни», краткий библейский текст, который содержит в себе ту идею, что они хотят постоянно хранить в своей памяти. Обычно такие тексты учат полагаться на Бога или верить в его любовь, и они несут утешение в моменты трудностей или конфликтов. Но представьте себе, что вы встречаете христианина, который процитировал бы свой «стих жизни» – Второзаконие 7:1–2:

Когда Господь, ваш Бог, приведет вас в страну, овладеть которой вы идете, и изгонит из нее множество народов... когда Господь, ваш Бог, отдаст их в ваши руки и вы победите их, то предайте их закланию – уничтожьте! Не заключайте с ними договоров и не давайте им пощады.

Или, допустим, это будет стих 16 из той же главы:

Вы истребите все народы, которые Господь, ваш Бог, отдаст вам в руки; вы не должны жалеть их {44}.

Какой была бы ваша первая реакция? Вероятно, прежде всего вы бы просто усомнились в том, что подобные тексты – «стихи смерти» – вообще входят в Библию. Бог, запрещающий жалеть или щадить несчастных, – разве этот образ не вступает в резкое противоречие с тем, о чем говорит вся эта книга? Но затем, убедившись в том, что эти тексты существуют, вы придете в ужас от мысли, что нынешний верующий может испытывать к этим словам что-либо еще, кроме отвращения. Вам ни при каких обстоятельствах не захочется познакомиться с человеком, который желал бы руководствоваться этими текстами в своей жизни. Как бы страстно христианин ни верил в то, что Библия содержит истины от Бога, некоторые части этой книги настолько ужасны, что примириться с ними невозможно.

Истории, полные ужаса

Многие библейские тексты кажутся нам кровожадными или нас расстраивают – к ним относятся рассказы о равнодушных убийствах, массовой резне, изнасилованиях, супружеских изменах и предательстве. Во многих случаях эти тексты настолько отвратительны, что они выпадают из памяти. Многие ли верующие помнят зловещую историю из времен пророка Елисея о том, как одна женщина просит царя восстановить справедливость между ней и ее соседкой, с которой во время великого голода они заключили страшный договор? Они согласились, что съедят сначала сына одной женщины, а потом сына другой, и уже осуществили первый этап этой омерзительной сделки. Однако вторая женщина нарушила условия договора. Пусть царь восстановит справедливость – пусть совершится и второй акт каннибализма. Мало кто из читателей с пользой для себя может размышлять о последних главах Книги Судей, где с необычайной жестокостью рассказывается об изнасиловании, расчленении трупа и массовом истреблении. В других же частях Библии говорится о человеческих жертвоприношениях {45}.

На самом же деле эти истории могут не ставить проблем перед современным читателем, поскольку там нет ни слова о том, что эти ужасные деяния одобрены Богом. Библейские авторы только лишь добросовестно описывали тот мир, который был им знаком, с его варварством и жестокостью. Эти авторы вовсе не оправдывали каннибализм и изнасилования и тем более не хотели сказать, что эти вещи совершались по Божьему повелению. Рассказывать о подобных вещах их вынуждал долг историков и публицистов {46}.

Однако в других случаях, когда речь идет об актах насилия, авторы не просто описывают тот мир, какой их окружает, но прямо говорят, что эти действия, включая истребление целых народов, совершаются по указанию Бога. Большинство подобных историй относится к тому времени, как евреи убежали из Египта и направились к Ханаану, и к эпохе завоевания этой земли около 1200 года до н. э. Евреи, когда ими руководили Моисей или избранный им преемник Иисус Навин, столкнулись с рядом враждебно настроенных к ним народов – как бродячих племен, подобных им самим, так и жителей городов-государств. Как повествует Библия – главным образом в книгах Числа, Второзаконие и Книге Иисуса Навина, – евреи вели против своих соперников жестокие и опустошительные войны {47}.

В Библии мы найдем два отличающихся ряда повествований: первые касаются событий, происходивших на востоке от Иордана, другие – тех, что происходили к западу от этой реки. Книги Числа и Второзаконие повествуют о восточных войнах Моисея в Заиорданье, а текст Книги Иисуса Навина говорит о масштабном покорении земли Ханаана, которую позже стали называть Палестиной {48}.

Книга Числа содержит рассказы о войне Моисея против мидьянитян. Еврейские воины под руководством Финееса опустошают землю Мициана, убивая всех мужчин и забирая в плен всех женщин и детей в качестве добычи. Однако Моисею ненавистна их мягкость. Он повелевает: «Убейте всех мальчиков и убейте всех женщин, которые познали мужчину! А девиц, еще не познавших мужчину, оставьте в живых, для себя». Эти девушки – которых, если верить Библии, было тридцать две тысячи – должны были стать сексуальными рабынями еврейских воинов {49}.

В книге Исход один краткий отрывок говорит о столкновении израильтян с Амалеком, который устраивает засаду в тот момент, когда евреи двигались по пустыне в районе Рефидима. Израиль под руководством Иисуса Навина перебил тех, кто сидел в засаде. Затем Бог повелевает Моисею:

«Запиши в книге, чтоб не было забыто, и возвести Иисусу: Я сотру Амалека с лица земли – и имени его не останется!» ... И сказал [Моисей]:

«Это значит: Господне знамя в руке! Война Господа с Амалеком – из рода в род!»

Весь род амалекитян обречен на уничтожение, а последний стих прямо говорит о том, что конфликт с ними носит вечный характер, что эта борьба никогда не должна кончаться. Дальнейшая судьба этого текста совершенно поразительна {50}.

Далее Библия рассказывает о новых боях. Во Второзаконии Моисей вспоминает о том, как он просил Сигона, царя Есевона, чтобы тот мирно пропустил евреев через свои земли, но царь на это не согласился. После этого Бог повелел своему народу завоевать и присвоить себе владения Сигона. Моисей рассказывает об этом так:

Господь, наш Бог, отдал его в наши руки: мы убили его и его сыновей, перебили все его войско. В ту пору мы овладели всеми его городами и предали их заклатью – уничтожили. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей, всех до последнего {51}.

Убийственная святость

Во Второзаконии Моисей говорит о правилах ведения войн, которыми должны руководствоваться дети Израиля {52}. Приближаясь к какому-либо чужому городу, евреи сначала должны предложить мир, и если чужаки на это согласны, они становятся данниками израильтян и должны заниматься для них принудительными работами. Если же местные жители от этого отказываются, евреи должны захватить город и перебить в нем всех мужчин, при этом можно забрать себе женщин, детей и скот в качестве добычи. Но в отдельных случаях третьего рода дети Израиля не должны оказывать никакой милости и быть предельно жестокими. На территориях, которые Бог отдает в наследство евреям, все местные обитатели подпадают под закон *херема* – то есть подлежат полному уничтожению. В таких городах, говорит Бог, «не оставляйте в живых никого! *Предайте их всех заклатью и уничтожьте* – хеттов, амореев, ханаанеев, периззеев, хиввеев и евусеев – как повелел вам Господь, ваш Бог» {53}.

Херем, заклатье, предполагающее полное уничтожение, – это самый страшный термин во всей Библии {54}. Родственное слово знакомо всем нам сегодня, оно тоже стоит в религиозном контексте, хотя гораздо более мирном. В исламе поведение или вещь, находящиеся под ритуальным запретом, скажем, свинину, называют *харам*, в отличие от разрешенных вещей, для которых используется термин *халаль*. Слово *харам* относят также к особым святым местам: так, например, Храмовая гора в Иерусалиме у мусульман зовется *Харам аль-Шариф*, Благородное святилище. В быту другое родственное слово указывает на особые или запретные места иного рода: это слово *гарем*, указывающее на место, где в изоляции от внешнего мира живут жены.

**« Не оставляйте в ЖИВЫХ
НИКОГО! Предайте их ВСЕХ
заклятию И уничтожьте —
хеттов, амореев, ханаанеев, Периззеев,
Хиввеев и евусеев — как повелел вам
Господь, ваш Бог»**

Однако в библейском контексте это слово имеет иные значения. Существительное *херем* означает «запрет», но когда город получает такой статус, переводчики передают этот термин разными словами: город «посвящен» Богу, «предан закланию» или «отделен для YHWH». Немногие библейские переводы точно передают все коннотации термина; чаще всего использованы фразы вроде «полностью разрушить», но его значение достаточно ясно. Все дышащее в обреченном городе должно быть уничтожено. Захваченные здесь ценности, такие как золото или серебро, надлежит посвятить Богу и отдать касте священников, которые будут их использовать в ритуальных целях. При переводе таких текстов на греческий «заклание» стало звучать как «анафема», а это позволяет нам лучше понять, что здесь происходит: города, подобные Иерихону, подпадают под анафему, им приписывается убийственная святость {55}.

Война по правилам *херема* коренится в распространенных мифах о боге-воителе, одерживающем победу в битве с силами хаоса. Но в еврейской традиции мы находим представления о священной войне, или войне YHWH, несущей святое и непроизносимое имя Господне. Такая битва ведется по четким правилам и даже предполагает определенную последовательность действий: за первым зовом трубы, которая объявляет о состоянии войны, следует освящение воинов, их ритуальная подготовка, пока все не завершится роспуском армии. Это *война за Бога*, а в то же время *война Бога*. Здесь земные воины просто помогают Богу, а все сокровища, захваченные на войне, посвящаются Богу. Сама битва превращается в акт поклонения. Эту мифологию ярко окрашивает сексуальный элемент: Бог является царем, а Израиль — его целомудренной невестой. Бог сражается за то, чтобы его народ не поддавался соблазну иных любовников и не впал с ними в блуд. Такие войны были наивысшим проявлением святости Бога, при этом концепция святости была самым тесным образом связана с представлениями о земной чести {56}.

На практике это означает, что такого рода война носит безусловный характер — то есть у завоеванных местных жителей не было в буквальном смысле никакой возможности подчиниться победителю ни при каких обстоятельствах. Если они преданы закланию, посвящены Богу, они не могут спасти себе жизнь ценой обращения в веру победителя, ценой того, чтобы воздвигнуть алтарь YHWH. Они не могут обещать отдать все свое имущество и навсегда покинуть свою землю. Они не могут даже добровольно согласиться стать последними рабами, в том числе в сексуальном смысле. Они обречены на смерть. Как показывает история царя Саула, Бог не оставляет здесь места для колебаний и сомнений. И такого рода война представляет собой не какой-то странный курьез для библейской традиции, но подобные

акции геноцида связаны с именами величайших героев Израиля, таких как Моисей, Самуил и Иисус Навин{57}.

Войны Иисуса Навина

В книгах Числа и Второзаконие рассказы о войнах и резне вкраплены в более обширные и систематизированные указания о ритуале и законах, тогда как в Книге Иисуса Навина массовые убийства занимают центральное место. Рассказ о падении Иерихона служит началом для самых кошмарных повествований о завоевании Ханаана. Этот город предан заклятию, а потому все, что находится внутри его стен, должно быть уничтожено, за исключением проститутки Раав, которая укрывала у себя израильских шпионов, обеспечив тем самым спасение для себя и своей семьи. Затем израильтяне движутся к Гаю, где неожиданно для себя терпят поражение. Вскоре им становится ясна причина неудачи: еврей по имени Ахан нарушил табу *херема*, присвоив себе часть добычи после взятия Иерихона. Для восстановления космического порядка израильтянам необходимо побить камнями и сжечь Ахана вместе с его семьей. Это жестокое очищение позволяет им покорить Гай в священной битве. Евреи захватывают город и убивают всех его жителей: его царя вешают на дереве до наступления вечера. Затем Иисус Навин сжигает Гай, который остается в запустении на протяжении нескольких последующих столетий{58}.

Прочие цари региона объединяют усилия против несущих смерть захватчиков, но терпят крах. Силы Иисуса Навина сокрушают враждебные города один за другим:

В тот же день Иисус захватил Маккеду. Он перебил ее жителей и убил царя – уничтожил, предав заклятию [*херем*], город и всех, кто в нем жил, до последнего человека. С царем Маккеды Иисус поступил так же, как с царем Иерихона... Иисус уничтожил город [Ливну] и всех, кто в нем жил, до последнего человека. С царем Ливны он поступил так же, как с царем Иерихона.

Затем войско Навина идет на Лахиш, на Эглон, на Хеврон и Девир и в каждом случае убивает «всех, кто жил в нем». А затем автор книги подводит итоги завоеваний:

Иисус истребил всех жителей этой страны – всех, кто жил в горах, в Негеве, в Шефеле и на склонах, – вместе со всеми их царями. Он уничтожил, предав заклятию (так повелел Господь, Бог Израиля), всех, кто жил в этой стране, до последнего человека{59}.

Он распределил завоеванные территории между еврейскими племенами. В последней главе Книги Иисуса Навина Бог вспоминает обо всех благодеяниях, оказанных им своему народу: «Я даровал вам землю, которую вы не возделывали, и города, которых вы не строили, – и теперь вы живете в этих городах и вкушаете плоды олив и виноградников, посаженных не вами»{60}. (См. Таблицу 1: «Самые жестокие тексты о завоеваниях».)

Таблица 1

Самые жестокие тексты о завоеваниях

Исход
17:8–16

Сражение Израиля с Амалеком: «Господь сказал: «Я сотру Амалека с лица земли»... Война Господа с Амалеком – из рода в род!»

23:23

Изгнание местных народов из Ханаана: «Ангел, посланный Мною, пойдет впереди и приведет вас к амореям, хеттам, периззеям, ханаанеям, хиввеям, евусеям – и Я истреблю эти народы».

34:11–17

Изгнание местных народов из Ханаана и борьба с их религией: «Их жертвенники – разрушите! Их священные камни – разбейте! Деревя Ашеры – срубите!»

Числа

Глава 21

Разрушение городов Ханаана на условиях херема (ст. 2–3): «Они предали заклатью и уничтожили ханаанеев со всеми их селениями».

Победы над царями Сихоном и Огом (ст. 21–35): «Перебив их всех – и Ога, и сыновей его, и все его войско, до последнего человека, Сыны Израилевы овладели и этой страной».

25:1–18

Финеес убивает Зимрия и его жёну-мидьянитянку

31:1–24

Убийство мидьянитян, во время которого Моисей призывает никого не щадить: «Убейте всех мальчиков и убейте всех женщин, которые познали мужчину! А девиц, еще не познавших мужчину, оставьте в живых, для себя».

33:50–56

Изгнание местных народов и разрушение их священных мест: «Уничтожьте все их барельефы, и все статуи уничтожьте, и разрушите все их святилища».

Второзаконие

2:24–37

Победа над царем Сихоном и его народом: «В ту пору мы овладели всеми его городами и предали их заклатью – уничтожили. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей, всех до последнего».

3:1–7

Разгром Ога, царя башанского, и полное истребление его народа: «Мы предали их заклатью и уничтожили – поступили так же, как с Сихоном, царем хешбонским. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей».

7:1–2

Бог повелевает истребить народы, живущие в Ханаане: «Предайте их заклатью – уничтожьте! Не заключайте с ними договоров и не давайте им пощады».

Глава 13

Моисей призывает убивать всякого человека, соблазняющего Израиль поклонением иным богам: Даже если это твой родной брат, твоя жена или твой ребенок, «не жалей его, не щади и не укрывай. Убей его!». Израильский город, поддавшийся такому соблазну, должен быть уничтожен.

Глава 20

Божьи правила захватнической войны; повеление уничтожить местные народы: «А в городах здешних народов, чью землю Господь, ваш Бог, отдает вам во владение, не оставляйте в живых никого!»

Глава 25

Память об Амалеке: Поселившись на новой земле, евреи не должны забывать о войне с Амалеком: «Сотрите под небесами имя амалекитян. Не забудьте!»

Иисус Навин

Глава 6

Завоевание Ханаана и разрушение Иерихона: «Они предали заклатью все живое, что было в городе, – перебили мечом мужчин и женщин, детей, и стариков, быков, овец, коз, ослов».

Глава 8

Разрушение города Ая: «Всего в тот день были убиты двенадцать тысяч человек, и мужчины и женщины, – все, кто жил в Ае».

Глава 10

Уничтожение Македы по правилам херема: «Он перебил ее жителей и убил царя – уничтожил, предав заклатью, город и всех, кто в нем жил, до последнего человека». Подобное происходит и с другими городами: «Он уничтожил, предав заклатью (так повелел Господь, Бог Израиля), всех, кто жил в этой стране, до последнего человека».

11:20

Уничтожение некоторых других городов по правилам херема: «Господь побудил эти народы решиться на войну с израильтянами – для того, чтобы израильтяне уничтожили их, предав заклатью, чтобы не было этим народам пощады, чтобы все они были истреблены, как повелел Господь Моисею».

1 Царств

Глава 15

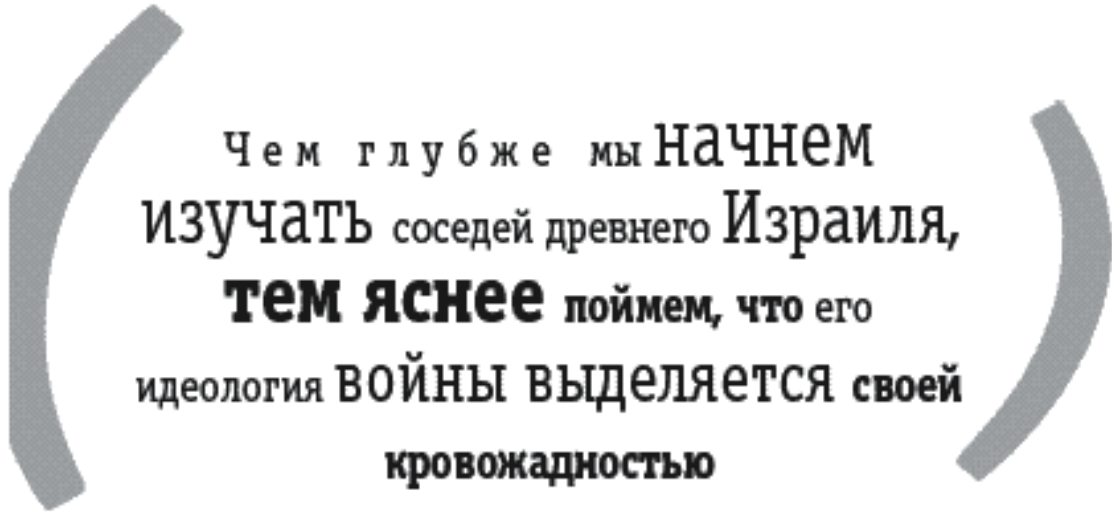
Божье повеление Саулу: «Иди и отомсти Амалеку. Предайте заклатью и уничтожьте все, что есть у него. Не жалей его, предай смерти всех: и мужчин, и женщин, и детей, и младенцев, и волов, и овец, и ослов, и верблюдов». Саул сохранил царю Агагу жизнь, позже Самуил был вынужден исправить его ошибку: «И Самуил зарезал Агага пред Господом в Гилгале».

История Иисуса Навина служит хорошей иллюстрацией к теме памяти и забвения, о которой шла речь во Введении. На протяжении двух последних тысячелетий христианское искусство богато отражало самые разные темы библейской традиции, но не менее интересны те темы Библии, которые буквально никогда не отражались в искусстве. Живописцы не раз обращались к Книге Иисуса Навина, изображая Раав, принимающую израильских соглядатаев, или переход Иисуса Навина через Иордан, – а популярный гимн рассказывает о том, как он сражается с Иерихоном («и стены его сокрушились»). Но другие темы этой библейской книги окружены молчанием. Художники изображают осаду Иерихона, но не последовавшую за ней кровавую бойню и не то, как побежденных царей вешают на деревьях или распинают^{61}. Вдохновляющее людей искусство изображает достойных героев, когда они находятся в положении жертв или борцов, но не когда они побеждают и осуществляют геноцид.

И когда изображают Раав, обычно забывают о том, как она объясняет свое предательство по отношению к своему собственному народу, ссылаясь на успешность жестокой кампании Иисуса Навина. Она говорит: «Я знаю, что Господь отдал вам нашу страну. Мы все в страхе [‘*emah*] перед вами. Всех жителей страны охватил ужас!»{62} Террор сделал свое дело.

Приказание убивать

Позднее апологеты старались показать, что эти жестокости не так страшны, как нам это кажется. Какой бы ужас мы ни испытывали перед этими текстами, говорили они, там описаны обычные вещи, происходившие при войнах в древности, и нам следует об этом помнить. В суровом мире железного века люди просто не умели вести себя иначе. Эти апологеты ссылались на подобные повествования о войнах, одобряемых богами, распространенные среди соседних народов, таких как хетты и аккадцы. Они указывали на надпись IX века на так называемой Стеле Меша: там царь Моава (территории сегодняшней Иордании) торжественно рассказывает об одержанной во имя бога Кемоша победе и о том, что сами израильтяне подпали под заклятие (*херем*). Повинуясь указу Кемоша, царь взял город «и убил всех: семь тысяч мужчин и мальчиков, а также женщин и девушек, ибо посвятил я его Аштар-Кемошу; я взял сосуды и принес их пред лицо Кемоша»{63}.

Чем глубже мы **начнем**
изучать соседей древнего **Израиля**,
тем яснее поймем, что его
идеология **ВОЙНЫ** выделяется своей
кровожадностью

Однако на самом деле аргументы вроде «все так делали» не слишком убедительны. На самом деле, чем глубже мы начнем изучать соседей древнего Израиля, тем яснее поймем, что его идеология войны выделяется своей кровожадностью. Конечно, религиозные войны были обычным делом. Могущественные ассирийские завоеватели с IX по VII век до н. э. называли своих воинов армией бога Ашшура и приписывали ему свои победы. Они были безжалостными захватчиками, которые убивали или делали рабами массы людей. Ассирийцы вешали побежденных царей, чтобы устроить тех, кто осмелится сопротивляться империи в будущем, они казнили пленников и строили пирамиды из отрубленных голов своих жертв. Другие народы могли быть не менее жестокими, даже когда они не ссылались на повеления высших сил. В 415 году до н. э., когда знаменитая афинская демократия была в самом расцвете, греки опустошили остров Мелос: они убили всех мужчин, способных носить оружие, и превратили Мелос в афинскую колонию, целиком обновив его население{64}.

Но хотя в древности было немало насилия и войн, случаи масштабного геноцида были редки, хотя и встречались. Даже когда ассирийцы или хетты торжественно заявляли, что

взяли какой-то город, далее они сообщали о том, что ими было захвачено великое множество рабов. О том же свидетельствует «Илиада», которая описывает события времен Иисуса Навина, хотя автор произведения жил на несколько столетий позже. Так, в «Илиаде» Агамемнон предсказывает не просто разрушение Трои, но и тотальное истребление всех ее обитателей: «Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избегнет / Гибели быстрой и нашей руки! Пусть ребята, которых / Матери носят во чреве своем, – пусть и те погибают! / Пусть они все без следа и без похорон, – все пусть исчезнут!» {65}. Однако некоторые классические литературные труды греков указывают на то, что эта бойня не распространялась на женщин, которых захватчики взяли к себе на родину в качестве рабынь. В повествовании, которое содержит больше деталей, говорится о том, что афиняне, перебив всех мужчин на Мелосе, сделали попавших в плен женщин и детей рабами. Да и какой разумный завоеватель стал бы поступать иначе? Когда в 146 году до н. э. римляне до основания разрушили Карфаген, так что победители, как рассказывают, засыпали солью место, где стоял город, они также оставили в живых десятки тысяч рабов. Римские писатели, сами ужасаясь этим деяниям, описывают уничтожение племен севера Европы, германцев и скандинавов, их врагами. Но генетические данные указывают на то, что победители не только пощадили захваченных в плен женщин, но и энергично производили от них потомство. Средневековые исландцы, о которых много говорится в норвежских сагах, в значительной степени были потомками тысяч захваченных в плен ирландских женщин {66}. И даже те события, которые называли геноцидом, по сути такими не были. Единственным исключением из правила были действия римлян, которые начиная с III века до н. э. расширяли свою средиземноморскую империю. Их манера вести войну возмущала древний мир, привыкший к насилию. Греческий историк Полибий описывает взятие города Картагена в 209 году до н. э., во время которого римляне перебили всех его жителей – мужчин, женщин и детей:

Мне кажется, римляне поступают так с целью навести ужас на врагов. Вот почему часто можно видеть в городах, взятых римлянами, не только трупы людей, но и разрубленных пополам собак и отсеченные члены других животных. Благодаря множеству застигнутых в городе людей смертоубийство на сей раз было ужасное {67}.

Это напоминает библейские рассказы о завоеваниях, происходивших на тысячу лет раньше. Но сам тот факт, что Полибий описывает эти ужасы так подробно – поверите ли, как бы говорит он, они убивают даже детей, – указывает на то, что такие вещи были исключением. Большинство жестокостей древности, которые действительно можно назвать геноцидом, с убийством женщин и детей, совершалось либо римлянами, либо теми, кто сопротивлялся политике Рима. Есть еще один пример геноцида в древности, на который часто ссылаются: в 88 году до н. э. царь Понта Митридат перебил большинство итальянцев, проживающих на территориях Малой Азии, которые находились под его контролем {68}.

Побежденных не истребляли не из добрых побуждений, но из корысти. Несомненно, войны с массовым истреблением происходили на земном шаре в доисторические времена и в сохранившихся примитивных обществах. Но обычно при этом убивали взрослых мужчин, а всех прочих пленников эксплуатировали – экономически или сексуально. Хотя некоторых из них убивали, иногда совершая человеческие жертвоприношения, захваченные люди были ценным ресурсом, который не стоило тратить зря, и это стало играть особенно важную роль, по мере того как сообщества увеличивались в размерах и становились организованнее. Если победители принадлежали к стабильному сообществу – царству или национальному государству, – они получали новый источник податей и налогов. Сравнительно меньшие группы, такие как кочующие племена, стремились заполучить рабов, которых можно было продать – часто продать более развитым в экономическом смысле сообществам {69}.

Убивать женщин и детей, которые превращались в имущество победителей, не было смысла. Песнь Деворы в Книге Судей говорит о том, чего ожидали тогдашние воины от успешного сражения: заполучить по одной девушке или по две на брата, захватить много одежд и сокровищ, чтобы потом их поделить. Хотя поражение было полной катастрофой для проигравших – с потерей независимости, свободы и чести, – их жизнь не прекращалась, какой бы жалкой она ни была, и у них оставался какой-то шанс освободиться или сбежать в будущем. Так, когда в 586 году до н. э. Вавилон разрушил царство евреев и переселил побежденных, по меньшей мере множество людей *осталось* в живых. Даже уничтожение врагов имеет свои разумные пределы, но древний Израиль с этим не считался {70}.

Если *херем* и не был уникальной тактикой ведения войны, полное истребление врагов не было нормой, и мы это видим, когда сравниваем Израиль с другими народами древнего мира. Хотя Стела Меша упоминает *херем*, здесь мы сталкиваемся с культурой, которая складывалась в многовековых взаимоотношениях с Израилем, так что, возможно, моавитяне позаимствовали эту практику у своих соседей. Именно на эту слабую параллель опираются ученые, когда пытаются доказать, что войны Иисуса Навина соответствуют тому, что в те времена происходило на всем Ближнем Востоке.

Соппротивление Господне

Попробуем в качестве упражнения для ума найти современную параллель для «войн Иисуса Навина». Результат окажется не слишком приятным. Допустим, что повествования Библии исторически достоверны, и поглядим на них глазами жителей ханаанских городов: они видят банды мародеров, которые убивают всех, кто им попадется, включая детей и даже животных, причем делают это во имя своей веры. Подобные явления сегодня происходят в Африке в тех случаях, когда механизмы государственной власти фактически не действуют, так что там появляются шайки бандитов, партизан или агрессивные племена, собранные вокруг харизматических лидеров, претендующих на особое божественное откровение.

Например, мы можем вспомнить об апокалиптической Армии Соппротивления Господня (АСГ), возникшей в Уганде в 1987 году и все еще продолжающей действовать. Ее чудовищный создатель Джозеф Кони считает себя пророком, вещающим от лица Бога. Эта Армия знаменита своей неукротимой жестокостью, массовыми убийствами и пытками, которые помогают ей держать контроль над некоторыми районами. Она славится тем, что набирает в солдаты детей и других детей убивает. Похищение женщин, которые становятся сексуальными рабынями, – это обычное деяние солдат АСГ. Благодаря всему этому у Армии Соппротивления Господня нет сторонников или сочувствующих в современном мире, и многие видят в этой группе предельно яркое воплощение зла. Она вызывает отвращение во всем мире благодаря тому, что сегодня СМИ могут об этом рассказать всем. Однако в древности только жители Ханаана и близлежащих районов знали о том, на что похожи сторонники Моисея и Иисуса Навина – они должны были вызывать у них такую же ненависть, какую сегодня мы испытываем по отношению к членам АСГ {71}.

Не лучше выглядит и группа боевиков «Джанджавид», которую правительство Судана использовало для уничтожения враждебных племен в районе Дарфура. Религия не играет в этом конфликте значимой роли, поскольку обе стороны здесь привержены своей традиции ислама, однако название группы – «джинны на коне» – опирается на мифологию. Джинн – это дух или гений, так что свободно можно было бы перевести ее название как «Ангелы-всадники». Начиная с 2003 года «Ангелы», проводившие безжалостную кампанию этнической чистки, убили около трехсот тысяч человек и вынудили переселиться около трех миллионов суданцев. В 2009 году президент Судана, участвовавший в деятельности боевиков, был обвинен в военных преступлениях – беспрецедентный случай, когда официальный глава

государства слышит такое обвинение. В современном мире этнические чистки и массовые убийства, по крайней мере, вызывают возмущение международного сообщества, даже если оно старается не вмешиваться в чужие дела без надобности {72}.

Повествования Библии о массовом порабощении также имеют свои параллели в позднейшей истории. Не все народы Ханаана стали жертвами геноцида, но оставшиеся в живых потеряли независимость или превратились в крепостных. Книга Иисуса Навина рассказывает о жителях Гаваона, которые обманом заставили израильтян поверить в то, что они не принадлежат к коренным народам Ханаана (подлежавшим истреблению). Израильтянам пришлось хранить данное этим хитрым соседям обещание, так что их оставили в живых. Но хотя гаваониты сохранили жизнь, они превратились в низшую касту – их вынудили рубить деревья и носить воду. Позднее в христианском мире, почитавшем Библию, под влиянием этого отрывка складывались формы рабства и принудительного труда, особенно в тех случаях, когда подчиненные народы принадлежали к иным расам. В Книге Судей приводится список районов и селений, из которых не были изгнаны местные народы, – здесь чужаков вынуждали выполнять принудительные работы или сделали крепостными {73}.

Сохранившиеся этнические группы имели и другое предназначение. По словам Библии, другие народы Ханаана сохранили жизнь и независимость ради того, чтобы евреи не утратили воинского духа. Как сказано в Книге Судей, Бог оставил некоторые народы на этом месте, чтобы испытать израильтян, не приобретших боевого опыта, и обучать их потомков искусству войны. Пока у них есть враги – филистимляне и остатки народов Ханаана и хиввеев, – Израиль не потеряет форму {74}.

Бог ожесточил их сердца

Почему же Бог, как он изображен в Библии, так яростно ненавидит народы Ханаана? Библейские тексты дают этому разные объяснения, в том числе в некоторых местах говорится о том, что эти народы были крайне порочны: их злодеяния превысили всякую меру, так что Богу пришлось вмешаться. Когда Бог обещал отдать эту землю Аврааму, он добавил, что потомки патриархов не смогут овладеть ею в течение жизни многих поколений, «ибо грехи амореев еще не достигли своей меры» {75}. Когда же наступило нужное время, Богу пришлось вмешаться, подобно тому как ранее ему пришлось уничтожить все испорченное человечество во дни Ноя.

Мы можем напрягать свое воображение, пытаясь понять, какие же неслыханные злодеяния они совершили, но сначала нам лучше усвоить ту мысль, что эти нравственные соображения были добавлены к древней истории позднее, задним числом. Как я покажу в следующей главе, ранее того притязания Израиля на эту землю никак не были связаны с дурным поведением живущих здесь народов. Ханаанеи и другие народы не были чрезвычайно грешными, они просто оказались на этом месте и их следовало устранить. Разумеется, это ставит еще более трудную проблему перед богословами, но такие представления действительно были более древними.

Если же мы обратимся к Библии, чтобы найти там нравственное обоснование жестокости израильтян, мы столкнемся с неразрешимым парадоксом. Многие библейские отрывки не могут дать убедительных (для нас) объяснений, но это еще не все – регулярно истории убийств сопровождаются такими объяснениями, которые нам слишком трудно принять. Авторы Библии снова и снова повторяют одно и то же: сам Бог сделал врагов Израиля более порочными и опасными, чем они бы были сами по себе. Когда врагам Израиля предстоит выбрать тот или иной план действий, Бог «ожесточает их сердца», намеренно подводя их к неразумным решениям, а это влечет за собой пролитие крови.

**А в т о р ы Библии С Н О В А И снова
повторяют О Д Н О И Т О Ж Е: сам
Бог сделал врагов Израиля более
порочными и опасными, чем они бы были
сами по себе**

В истории Исхода тема «Бог ожесточил сердце фараона» повторяется как рефрен, как будто Бог постоянно вмешивается таким образом, чтобы мирное разрешение конфликта стало невозможным. Подобным образом Бог действует в случае царя Сихона: Бог «сделал его дух упрямым, а сердце непреклонным», что повлекло за собой истребление целого народа. Перечислив массовые убийства, которые совершило войско Иисуса Навина, убивавшее «все дышащее», историк дает такой комментарий:

Господь побудил эти народы решиться на войну с израильтянами – для того чтобы израильтяне уничтожили их, предав заклятию, чтобы не было этим народам пощады, чтобы все они были истреблены, как повелел Господь Моисею {76}.

В каждом случае правитель должен был принять решение о том, как поступить с израильтянами. У него были разные варианты, в том числе такие, которые повлекли бы за собой мирное и гармоничное устранение конфликта. Однако, как сказано в библейском тексте, Бог подталкивает его к таким решениям, которые ведут к массовому кровопролитию или уничтожению всего его народа. И такие злые намерения Бога всегда объясняются только лишь тем, что УНВН хотел показать свою силу, чтобы явить «могущественные дела Божии». Это скорее не конфликт между добром и злом, но нечто иное: Бог делает одну сторону особенно злой, чтобы это послужило предостережением прочим.

* * *

Читая об этом, невольно задаешься одним вопросом: чем же именно здесь деяния благого Бога отличаются от козней сатаны или Молоха?

2. А было ли то, о чем написано в Библии?

Люди никогда не вершат зло в такой полноте и с такой готовностью, как когда делают это из религиозных побуждений.
Блез Паскаль

Тот, кто сегодня читает библейские повествования о завоевании Ханаана, неизбежно задается вопросом: на самом ли деле все это происходило так, как описано? Многие современные библеисты испытывают серьезные сомнения в том, что здесь нам представлен точный исторический отчет о событиях. Для современных верующих, как иудеев, так и христиан, такой скептицизм есть палка о двух концах. Вряд ли верующий с гордостью скажет: «Наши священные книги не так плохи, как может показаться. Потому что в них описано то, чего никогда не происходило». И даже если признать, что эти страшные истории – просто мифы, каким образом эти сатанинские пассажи попали в священные тексты?

За этим первым вопросом кроется второй, не менее сложный. Допустим, мы признаем, что библейские рассказы о массовых убийствах были плодом вымысла, – что нам тогда делать со многими другими примерами насилия и расовой нетерпимости, в реальности которых усомниться трудно?

Прислушиваясь к разным голосам

Самые мрачные библейские тексты мы найдем в двух тесно связанных книгах Ветхого Завета – Второзаконии и Книге Иисуса Навина, – где описывается покорение Ханаана в XIII–XII веках до н. э. {77} Прежде чем мы сможем судить об исторической достоверности этих историй, нам следует понять, на каком этапе они попали в Библию в процессе ее создания. Это ранние или поздние тексты? Сколько лет или веков отделяло их авторов и редакторов от описываемых событий? На какое место их помещают библеисты с точки зрения историчности? Как я покажу, Второзаконие и Книга Иисуса Навина были написаны достаточно поздно, так что большая часть их материала датируется временем не ранее VIII века до н. э., то есть они были созданы шестнадцать поколений спустя после самого завоевания. Если это так, историческая достоверность книг должна вызывать серьезные сомнения.

Чтобы понять, как мы можем судить о времени создания библейских книг, нам следует познакомиться с тем, какие методы применяют библеисты при анализе подобных текстов. Исследователи считают, что священные тексты создавались в несколько этапов и вобрали в себя разные традиции, так что некоторые «голоса» там более древние, чем прочие: это напоминает археологические раскопки, когда ученые открывают один за другим все более древние слои. Эта аналогия особенно хорошо подходит к первым пяти книгам Библии – Бытию, Исходу, Числам, Левит и Второзаконию, – которые вместе называют Пятикнижием. Хотя их создание приписывали Моисею, сегодня мало кто думает, что они написаны одним автором – и уж тем более мало кто верит в то, что этим автором был сам Моисей. Убедительные аргументы на этот счет привел еще в 1670 году Барух Спиноза, основоположник современной библейской критики. Ключ к этому дает один отрывок Второзакония, рассказывающий о смерти и погребении Моисея. По меньшей мере, мы должны признать существование позднейшего автора или редактора, в котором некоторые видели Иисуса Навина. Спиноза полагал, что сам Моисей в лучшем случае был автором незначительной части текстов из всех пяти книг (любопытно, что он включил в число этих текстов рассказ об Амалеке) {78}.

Уже в середине XVIII века французский ученый Жан Астрюк заметил, что в разных отрывках Пятикнижия используются разные имена Бога, причем это происходит в явно

параллельных отрывках. В одних речь идет о Яхве, в других используется имя Элохим. Очевидно, первые книги Библии вобрали в себя материал по меньшей мере двух разных источников, который обычно называют J (Яхвист) и E (Элохист). Позднее ученые установили наличие еще двух важных источников. Это священнические писания и материалы, которые называют P, и особый источник D, связанный с книгой Второзаконие, которая отличается от всех прочих {79}.

В XIX веке библеисты уже уверенно заговорили о J, E, P, D как четырех слоях, образующих Пятикнижие, или Тору. Позже ученые поставили под сомнение эту гипотезу об источниках на том основании, что отделить один слой от другого практически невозможно. В частности, многие из них считают, что J был вовсе не самостоятельным трудом, но только лишь дополнением к отдельным историям. Другие же продолжают думать, что гипотеза источника J позволяет открыть некоторые слои ранней традиции. Что бы мы ни думали о частностях, многие ученые согласны с тем, что в какой-то момент – возможно, в VI веке до н. э. – некий выдающийся редактор или группа авторов соединила разные материалы в единое целое, и так появились те книги, что мы знаем. При этом они «написали Библию» или, по меньшей мере, ее важнейшие части {80}.

Эти разные источники относятся к разным эпохам. Большинство ученых считает, что самые древние среди них – J и E. Хотя они вобрали в себя еще более древние традиции, преимущественно устные, оба они были созданы, вероятно, в IX или VIII веке до н. э. Другие источники имеют позднейшее происхождение: хотя P, возможно, создавался на протяжении долгого периода, он обрел свою окончательную форму в V веке до н. э.

Второй закон

Четвертый источник, называемый D, датировать проще, и он непосредственнее связан с определенными политическими и религиозными программами. В частности, источник D связан с движением за великую монотеистическую реформу конца VIII века до н. э. во время правления Езекии (около 715–686), а затем определял мышление и религию евреев до их депортации в Вавилон в 586 году. Эти временные рамки дают контекст для многих текстов из тех, о которых мы здесь говорим, и помогают понять, какие религиозные и культурные тенденции они отражают.

На хронологию появления источника D косвенно указывает одна история из Четвертой книги Царств. Около 620 года до н. э., когда шло восстановление Храма, первосвященник нашел древнюю Книгу Закона и показал ее царю Иудеи Иосии. Увидев, как далеко Израиль отошел от высоких стандартов этой древней (как он полагал) книги, царь пришел в ужас. Это побудило его произвести радикальные реформы, направленные на искоренение язычества и восстановление славных обычаев эпохи Моисея.

Эта великая книга, очевидно, содержала по меньшей мере основу того текста, который мы сегодня называем Второзаконием. Она была создана за несколько десятилетий до ее обнаружения, вероятно, около 710 года до н. э.

В целом язык источника D соответствует исторической обстановке второй половины VIII века. Когда во Второзаконии приводятся слова Бога, они напоминают те речи, которые мог бы произнести могучий царь Ассирии около 700 года до н. э. На тот момент это был самый величественный образ монархии и ее власти, который мог себе вообразить житель Палестины из круга священников. Нельзя сказать, что тексты источника D внезапно появились во времена Иосии, скорее к этому моменту их собрали и систематизировали. Позднейшие авторы видели в них новые важные слова о законе, Второй Закон, откуда и происходит греческое слово *Deuteronomion* {81}.

Второзаконие играет важную роль в композиции всей Библии в целом – оно объединяет ряд книг с общими темами, интересами и стилем, которые принято называть «девятеронимическая история». Это историческое повествование обрело свою окончательную форму в VI веке, оно идет от Второзакония через книги Иисуса Навина и Судей к четырем так называемым Книгам Царств (которые в протестантской Библии носят названия Первая и Вторая книги Самуила и Первая и Вторая книги Царей). В последние годы мысль о существовании «девятеронимического» источника вызвала жаростные споры, поскольку библеисты нашли, что он повлиял на множество библейских текстов, включая великих пророков. Некоторые критики даже используют термин «пандевтеронимизм», когда они нападают на склонность библеистов видеть в каждом тексте следы Второзакония {82}.

Идея «девятеронимической истории» не предполагает, что кто-то написал все эти книги в VIII или VII веке до н. э. Там использовались древние источники. Так, например, Песнь Деворы в Книге Судей имеет древнее происхождение (возможно, она была создана около XI века до н. э.), а многие историки полагают, что повествование о царе Давиде основано на преданиях того времени, когда он жил, то есть X века до н. э. Однако нам следует помнить о том, что над этими историями поработали позднейшие редакторы. Особенно это касается Второзакония и Книги Иисуса Навина.

Потерянные 500 лет истории

Учитывая эту хронологию, давайте снова рассмотрим повествования о завоевании Ханаана, которые, следует думать, происходили в XII веке до н. э. Как думают самые свободные от скепсиса ученые, источник J был создан не ранее 900 или 850 годов. Сама же книга Второзаконие обрела свою форму не ранее чем через пять веков после убийства царя Сихона и его подданных. Значит, авторов книги от описываемых ими событий отделяло такое же хронологическое расстояние, которое отделяет нас от времен Мартина Лютера или Христофора Колумба. Когда бы мы ни размышляли о Второзаконии или Книге Иисуса Навина, мы должны помнить о контексте – они были написаны около 700 года до н. э. или позже, а не в XII веке.

Эта хронология сама по себе не позволяет утверждать, что библейские рассказы о покорении Ханаана исторически недостоверны. Устная традиция могла сохранить точные воспоминания о событиях, а позднейшие авторы могли пользоваться не дошедшими до нас письменными источниками. Однако у нас есть разумные причины относиться к повествованиям о войнах с большим скептицизмом. Иные же библеисты куда радикальнее в своей критике: например, некоторые почтенные ученые, относящиеся к так называемой школе минималистов, полагают, что в Библии, когда она описывает события до VI века до н. э., вообще нет надежных исторических сведений, в частности, эти исследователи не верят в существование царств Давида и Соломона (около 1025–925). Другие библеисты думают, что минималисты заходят в своей критике слишком далеко, но и они сомневаются в историчности повествований о Моисее и Иисусе Навине {83}.

Кроме того, повествования во Второзаконии и Книге Иисуса Навина содержат больше серьезных противоречий, чем другие книги Библии, включая даже те, на которых отразилось влияние авторов Второзакония. Так, в Книге Иисуса Навина говорится об уничтожении ряда городов и народов. А Книга Судей, которая описывает события позднейших десятилетий, содержит утверждение, что многие такие этнические группы продолжают существовать и представляют опасность для Израиля, оставаясь непокоренными. Значит, как минимум одна из версий здесь неверна. Еще в XVIII веке английский скептик Томас Вулстон заявил: «Либо история Книги Судей, либо история Книги Иисуса Навина целиком ложна» {84}.

Никакого завоевания Земли обетованной не было?

Даже если бы повествования девтерономистских книг были свободны от внутренних противоречий, нам трудно было бы видеть в них исторические факты из-за одного важного препятствия. Нам здесь помешала бы археология. Если сказать просто, у нас нет никаких артефактов, которые бы указывали на вторжение или наличие захватчиков в ту эпоху, когда в Ханаане должен был вести свои войны Иисус Навин {85}.

Археология Израиля (Палестины) – это обширная область знаний, в которой важное место занимают труды, посвященные концу бронзового и началу железного века, то есть той самой эпохе, когда евреи должны были покорить Ханаан и начать создавать свои поселения. Но от этих бурных событий не осталось никаких следов. Если бы повествования Библии обладали исторической точностью, такие следы были бы найдены археологами, тем более что библейские авторы старательно указывали, в каких местах что происходило. (Мы можем подробнее рассмотреть повествования о покорении Ханаана, хотя это не относится к амалекитянам и мидьянитянам, поскольку эти пастушеские племена вели кочевой образ жизни и вряд ли должны были оставить материальные следы своего существования.) {86}

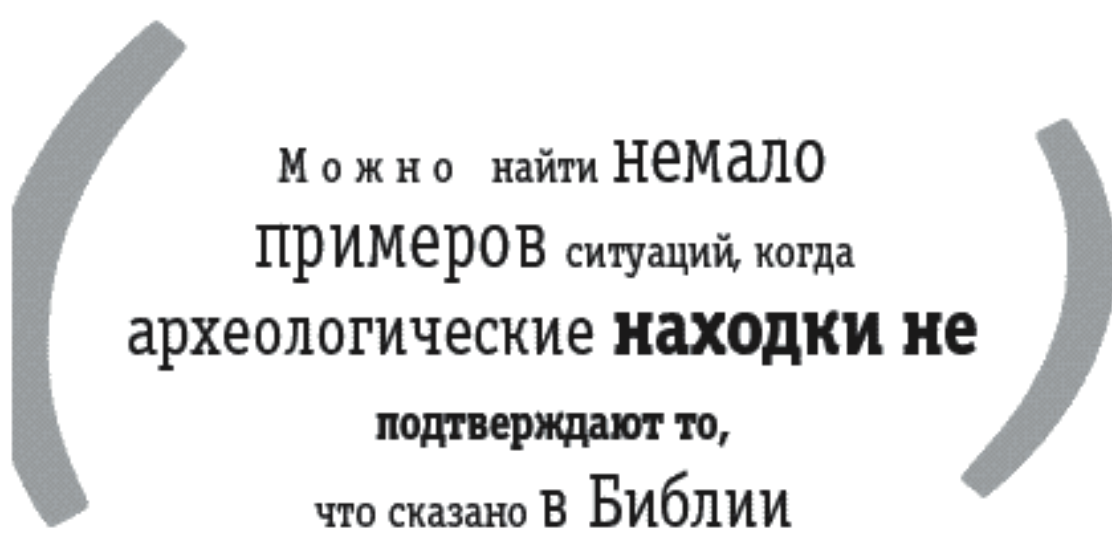
Библия говорит о разрушении ханаанских городов и крепостей, значит, в первую очередь нам стоит найти остатки данных поселений. Следовало бы ожидать, что эти поселения процветали в определенную эпоху – скажем, между 1500 и 1200 годами до н. э., – а затем в какой-то момент перестали существовать. На месте ханаанских городов должны были бы остаться слои разрушения с разрушенными стенами и следами пожаров, а также непогребенными телами. Археологи умеют определять эти важные признаки завоеваний и убийств в других регионах и в другие эпохи, а потому знают, как их искать. Мы должны были бы найти такие следы разрушений, причем в нескольких местах, коль скоро катастрофа коснулась разных городов, когда населенный район превратился в место бойни. Мы могли бы также найти материальные остатки, указывающие на присутствие завоевателей, – скажем, указания на появление нового стиля гончарных изделий или архитектуры. Можно было бы думать, что новые хозяева Ханаана принесли с собой какие-то элементы египетской культуры, поскольку они покинули Египет всего за несколько десятилетий до того.

Можно привести пример из позднейшей истории: в Северной Америке археологи находят следы, подобные тем, которые должна была бы оставить война по правилам *херема* (разумеется, используя это сравнение, я не хотел сказать, что между этими сообществами и сообществами древней Палестины существует какая-либо прямая связь). На Юго-Западе Америки можно найти остатки сгоревших домов и разрушенных культовых зданий, соответствующих кровавой борьбе с так называемым племенем анасази в XIII веке. В разрушенных селениях и крепостях были найдены скелеты мужчин, женщин и детей, оставшихся без погребения, иногда с отрубленными частями тела. Археологи могут не только утверждать, что воины там убивали всех без разбора, они могут даже сказать, как были убиты побежденные: скольких из них пытали, калечили или сжигали живьем. На костях человека можно найти повреждения от характерных типов оружия той эпохи, которые мало чем отличались от тех, какими владела армия Иисуса Навина. Победители перебили даже всех животных. В случае коренных американцев мы можем уверенно сказать, что массовые убийства и разрушения действительно имели место. Захватчики там действительно никого не щадили, и об этом свидетельствует масса археологических находок {87}.

Однако если говорить о Ханаане, здесь не было найдено буквально ни одного следа завоевания. Ханаанские города воевали один против другого, какие-то группы переживали атаки и поражения, но мы не найдем никаких признаков систематического разрушения на протяжении короткого периода, хотя следовало бы ожидать, что они остались, если библей-

ские тексты были бы исторически достоверны. Некоторые города, якобы покоренные Иисусом Навином, на самом деле продолжали долго существовать после периода завоеваний, пока не исчезли в силу каких-то еще причин, другие места показывают, что поселения на них возникли спустя несколько веков после времен Иисуса Навина. Найдено немного селений, действительно разрушенных около 1200 года до н. э., но находки на этих местах не укладываются в картину, нарисованную Библией, вероятно, разрушения здесь дело рук не евреев, а каких-то еще противников.

Можно найти немало примеров ситуаций, когда археологические находки не подтверждают то, что сказано в Библии. Так, скажем, Иерихон действительно был древним городом – одним из древнейших поселений на всей нашей планете, – и он многократно подвергался осадам и разрушению, однако исследователи считают, что во времена покорения Ханаана никакого города с жителями на этом месте не было. Как не было и Гая, где, если верить Библии, также произошли ужасные массовые убийства. Маккеда вообще возникла не ранее X века до н. э. Из всех мест побоищ, о которых говорит Библия, археологи нашли только одно, которое соответствует описанному – город Хазор, вероятно, покоренный и разрушенный примерно в подходящее время, но и здесь ученые продолжают спорить об интерпретации полученных данных {88}.

М о ж н о найти Немало
примеров ситуаций, когда
археологические **находки не**
подтверждают то,
что сказано в Библии

Если собрать все соответствующие археологические свидетельства, можно сказать, что войны Иисуса Навина не оставили никаких следов. Археолог Уильям Девер, оценив накопленные факты, делает следующее заключение: находки «почти *никак* не подтверждают историчность повествования Библии о масштабном и согласованном завоевании Ханаана израильтянами» {89}. Возможно, автор VIII века до н. э. знал, где находятся самые живописные развалины, но мало что знал о существовании городов на этих местах в прошлом. Само имя города Гая происходит от еврейского слова, означающего «развалины». Автор не знал, когда эти древние поселения перестали существовать – были они разрушены триста или тысячу лет назад? – и придумал легенду о масштабном завоевании, чтобы объяснить их гибель.

Откуда пришли таинственные еврейские воины?

Не менее таинственно выглядят еврейские завоеватели, о которых говорит Библия. У ученых существовали разные теории на этот счет, но в данный момент они утверждают, что нет никаких фактов, указывающих на то, что в описываемую эпоху началось массовое

вторжение чужеземцев в Ханаан. Чем глубже мы изучаем древних евреев, тем ярче видим их сходство с ханаанеями{90}.

На Ближнем Востоке регулярно происходили завоевания, оборачивавшиеся для кого-то катастрофой, в ту самую эпоху, когда заканчивался бронзовый век и наступал век железный. Сама такая перемена названий, быть может, имеет отношение к конфликтам того времени, поскольку новые технологии войны и новые типы оружия нарушили сложившееся равновесие сил. Некоторые же ученые считают, что политическую бурю вызвала какая-то планетарная катастрофа: внезапная перемена климата либо, быть может, извержение гигантского вулкана в каком-то отдаленном месте на земном шаре. Каковы бы ни были причины нарушения равновесия, его последствия были весьма разрушительными{91}.

Между 1600 и 1200 годами до н. э. на Ближнем Востоке и в Средиземноморье доминировало несколько богатых и процветающих империй: новое царство Египта, империя хеттов в Малой Азии и Сирии, микенские царства в Греции и на побережье Эгейского моря. Но внезапно в течение всего лишь нескольких десятилетий существование всех их оказалось под угрозой. Большинство из них, за исключением Египта, развалилось на фоне войн и массового переселения народов. Мощные группы кочующих разбойников, так называемые «морские народы», стали реальной угрозой для старой системы империй, а особенно опасными они были для городов на побережье, скажем, Сирии или Ханаана. К таким новым мигрантам принадлежали, в частности, филистимляне, которые часто оказывались смертельными врагами царства израильтян при Сауле и Давиде. По всему цивилизованному миру великие города и дворцы разрушались или оставались в запустении, городская жизнь и торговля переживали кризис. В некоторых районах сообщества вырождались до такой степени, что утрачивали грамотность{92}.

В результате наступил древний Темный век. И действительно, эта эпоха напоминала позднейший период падения Римской империи, и она, как и в новый Темный век, осталась в памяти легендарным временем с его выдающимися героями. Теоретически один и тот же человек мог бы тогда наблюдать и гибель Трои, и покорение Ханаана евреями.

Если бы не различные библейские тексты, многие современные археологи создали бы примерно такую реконструкцию истории древнего Израиля. В течение бронзового века Палестина и юг Сирии были наполнены процветающими городами-государствами ханаанеев. Мы многое знаем об этих сообществах благодаря богатой коллекции писем XIV века, найденной в Амарне (Египет), которая показывает, что местные представители Египта и вассалы в Сирии и Палестине искали у двора фараона помощи и защиты. В XIII веке в этом регионе доминировал Египет, хотя у него был могущественный соперник на севере – империя хеттов. Ближе к концу бронзового века возникли новые поселения на относительно бедной холмистой земле, примерно соответствующей району Западного берега в нынешней Палестине, который до войны арабов с Израилем 1967 года контролировался Иорданией. Во второй половине XIII века старые социальные структуры стали хуже работать из-за беспокойной обстановки на всем тогдашнем Ближнем Востоке. Поскольку городская жизнь и торговля переживали упадок, возросло значение пастушества и кочевого образа жизни. Из-за кризиса на холмистую землю переселилось немало ханаанеев, так что населенность этой области резко возросла{93}.

Возможно, эти новые сообщества хотели сознательно обособиться от культуры Ханаана, отказываясь платить налоги, участвовать в принудительных работах, давать солдат для армии и переживать на себе общий гнет эксплуатации со стороны богатой элиты. К этим «дезертирам», как считает Уильям Девер, присоединились маргиналы из городов, разбойничьи шайки разорившихся людей, беженцы, насильственно переселенные члены враждебных племен и пастухи-кочевники. Здесь действительно могли оказаться и бывшие рабы, убежавшие из Египта. И эта последняя группа рассказывала истории об исходе и освобождении,

которые позже усвоило все это общество. После периода консолидации, когда они были маргиналами с точки зрения ханаанского общества, эти группы вышли на историческую сцену как народ Израиль, который впервые в истории упоминается в надписи египетского фараона Мернептаха в 1207 году до н. э. Но и в этот момент их численность могла быть незначительной – может быть, несколько сот домашних хозяйств. «Одни из них родились израильтянами, другие стали ими по своему выбору». Как бы там ни было, общность, носящая имя Израиль, действительно существовала {94}.

Это новое сообщество нам будет проще понять, если мы рассмотрим другие группы жителей возвышенностей, обитавших рядом с соседними государствами или империями. Иногда к таким группам примыкали беглые рабы, создававшие жизнеспособные сообщества. Некоторые их языки все еще указывают на связь между бегством из плена и географией. Когда испанцы покорили Новый мир, они стали использовать специальное слово для беглых рабов – *cimarron*, человек, обитающий на вершине (*cima*) горы. (В свою очередь, отсюда пошло английское слово для беглого раба – *maroon*.) Каково бы ни было происхождение подобных сообществ, им удавалось сопротивляться требованиям эксплуататоров – государств и царств, а некоторые из них считали своими родоначальниками харизматических вождей или пророков. Если принять эту точку зрения, окажется, что в историческом смысле Израиль не был чем-то исключительным, хотя ему удалось создать устойчивую мифологию о своем происхождении {95}.

О том, что именно представляло собой это новое общество и что было главными отличительными характеристиками израильтянина, все еще ведутся споры. Библия практически ничего не говорит нам о взаимоотношениях между евреями и жителями Ханаана, как будто последние – это кто-то вроде пришельцев с чужой планеты. Однако языки соседей настолько близки один к другому, так что в написанной в VIII веке до н. э. главе 19 Книги пророка Исайи говорится о том, что еврейский – это «язык Ханаана». Письменная речь также указывает здесь на родство. Предшественником арамейского и еврейского шрифтов был ханаанский, а древнейший из известных нам примеров еврейского письма – так называемый остракон из Кейафы X века до н. э. – написан протоханаанским шрифтом. Таким образом, книжники, записывавшие истории об уничтожении ханаанцев, пользовались шрифтом, созданным на основе письменности этого злейшего врага. Вероятно, Израиль стал сильнее выделяться на фоне соседей через столетие или более после эпохи Мернептаха, когда он стал примерно такой общностью, которую описывает Библия. Археологические находки показывают, что он выходит на сцену скромно – об этом свидетельствуют новый стиль домов и, возможно, следы того, что израильтяне не едят свинину, – но его отличие от более древних сообществ не было слишком разительным. Если бы вы оказались около 1150 года на одной из дорог Палестины и увидели бы на ней одинокого путника, как бы вы смогли отличить ханаанца от израильтянина? Быть может, по одежде, по орнаменту или прическе, по его манере речи – говорил ли он с особым местным акцентом? Не менее интересным была бы подобная встреча с женщиной. Что ее выделяло? Быстрее или медленнее женщины усваивали израильскую идентичность – что бы это слово ни значило? Вероятно, эти этнические маркеры вначале были скромными, но потом они приобрели великое значение, и возможно, на протяжении десятилетий израильтяне и ханаанцы, обретшие свои видимые отличительные черты, дрались друг с другом. Но эти отличия возникли уже в самом Ханаане, их не принесли сюда из пустыни воины Иисуса Навина {96}.

Нам даже трудно судить о том, насколько религия израильтян отличалась от веры его соседей. Ханаанцы поклонялись большой семье богов и богинь, которых они прославляли в определенных сроки в святилищах, рассеянных по всей стране, на холмах, где были алтари и изображения. Как утверждает Библия, израильтяне были строгими приверженцами монотеизма, чем радикально отличались от жителей Ханаана. Они верили в единого Бога, кото-

рый стоял вне всякого сравнения с прочими богами и богинями, и ему поклонялись лишь в одном храме в Иерусалиме. Это был чистый яхвизм, верность одному истинному Богу, YHWH, само имя которого было такой святыней, что его нельзя было произносить. Позднейшие библейские авторы указывали на то, что яхвизм существовал бок о бок с другими религиями и что цари и пророки боролись за то, чтобы Израиль не вернулся к состоянию древнего политеизма, язычества и поклонения явлениям природы. Читая Библию, мы представляем себе многовековой конфликт между двумя совершенно разными типами веры с их отличающимися практиками {97}.

Однако историк должен отнестись к этой картине скептически. Согласно Библии этих языческих практик придерживалось туземное население Ханаана, которое было полностью истреблено или изгнано Иисусом Навином с его воинами. Но это скорее отражает попытку реформаторов из числа яхвистов в VIII веке до н. э. передать свои идеи и стремления через истории далекого прошлого, написанные задним числом. В те годы, скажем, в XII или XI веках, религия Израиля все еще сильно походила на религию его соседей в Ханаане и включала в себя поклонение богиням. Сельские холмы со святилищами, против которых так яростно выступали пророки и реформаторы, свидетельствовали о древней религии евреев, которые поклонялись как великому Богу YHWH, так и другим божествам обоих полов {98}. И если даже еврейские завоеватели на самом деле покорили Ханаан, мы не можем судить о том, стояли ли за этим какие-либо религиозные мотивы.

Кому понадобился миф о героическом прошлом?

Предположим для простоты аргументации, что повествование о вторжении Иисуса Навина было просто мифом, который объяснял, как появился народ Израиля и как он занял эту территорию. Но даже если описанные в Библии события никогда не происходили, эта история все равно должна нас беспокоить. Разве нельзя было придумать легенды о царях и воинах, которые были бы образцами для последующих поколений? Или истории о битвах с кошмарными злодеями? Но зачем рассказывать о геноциде? И почему позднейшие авторы Библии не попытались скрыть ужасающие истории прошлого, но их сохранили и даже выпятили те черты, в которых мы видим древнее варварство?

Чтобы дать ответ на эти вопросы, необходимо понять, в какую эпоху создавались Второзаконие и Книга Иисуса Навина. В различные моменты истории Израиля с установлением царства Давида до вавилонского изгнания (примерно от 1000 до 586 годов до н. э.) еврейский народ мучительно размышлял о том, насколько его религиозная жизнь должна отличаться от той, которой живут соседние народы {99}. И решительный шаг к абсолютному монотеизму был совершен в момент экзистенциального кризиса, с которым евреи столкнулись в конце VIII века и далее. В VIII веке существовало два царства: северное, Израиль, центром которого была Самария, и южное, Иуда, со столицей Иерусалимом. Но оба они существовали в неудобном контексте больших империй, в котором тогда доминировал Египет, но одновременно набирала силу Ассирия. Когда последнюю возглавил Тиглатпалассар III (царствовавший в 745–727 годах до н. э.), Ассирийская империя начала расширять свои владения с помощью завоеваний и дипломатии. В 721 году Ассирия завоевала северное царство Израиль и переселила его обитателей в далекие страны: так десять из исторических двенадцати племен в целом исчезли со сцены истории. Оставалось южное царство Иуда, но долго ли оно могло продержаться? В 701 году Иерусалим пережил крупную осаду {100}. Хотя в последующие десятилетия Ассирия стала терять былую силу, на ближневосточной сцене появились другие игроки. В 612 году заново возродившаяся Вавилонская империя раздавила обессиленную Ассирию и сама стала для Иудеи источником великой опасности. Наконец, в 586 году Вавилон покорил Иерусалим и отправил в изгнание его обитателей.

Размышляя обо всех этих катастрофах, еврейские мыслители обращались мыслью к культу, в котором видели и причину, и средство разрешения кризиса. Народ оказался в опасности потому, что не хранил верность завету и поклонялся иным богам. Он спасется лишь в том случае, если безоговорочно начнет поклоняться единому Богу (неважно, существовал ли тогда в реальности соответствующий «символ веры») и уничтожит все атрибуты соперничающих религий. Такое решение принял южный царь Езекия в конце VIII века, когда ему удалось защитить народ от смерти от рук ассирийцев. Однако вопрос о том, насколько устойчивыми окажутся подобные реформы, должен был вызывать сомнения: все это слишком сильно зависело от установок и причуд каждого отдельного царя. Езекия боролся с синкретизмом своего отца Ахаза, а сын Езекии Манассия упразднил достижения монотеистической революции и восстановил алтари языческих богов. Иосия, внук Манассии, снова занялся восстановлением монотеизма. Во дни Иосии, около 620 года, было неясно, сможет ли строгий монотеизм сохраниться или же он окажется историческим тупиком.

Теперь, помня об этой исторической ситуации, попробуем свежим взглядом посмотреть на Второзаконие, которое было манифестом Иосии, когда он проводил свои радикальные религиозные реформы. Чем яростнее элита VII века сражалась с чужими религиями, тем больше появлялось в историческом повествовании историй о мучительных столкновениях. У авторов книги был сильный политический мотив изобразить бескомпромиссную борьбу Израиля с его соседями и показать, что евреи должны целиком и полностью освободиться от чужих влияний. Всю девтеронимическую историю объединяет одна тема – верность Израиля учению Моисея или, точнее, его постоянные отпадения от строго монотеистической веры. Израиль останется на этой земле только в том случае, если будет хранить чрезвычайную религиозную чистоту. И тогда описание разгрома ханаанеев призвано было показать Израилю: вот что ждет евреев в том случае, если они откажутся соблюдать завет. Здесь требовалось создать ужасающую картину *херема*, чтобы завладеть вниманием читателя: это куда страшнее того, что обычно делают ассирийцы! {101}

На каждом этапе более мягкие установки текстов Книги Бытия и Книги Исхода, созданных авторами традиций J и E, заменяются более суровыми подходами. В Книге Бытия Бог обещает дать потомкам Авраама землю, но не говорит, что для этого нужно уничтожать другие народы. Фактически судьба этих туземцев остается неясной и там нет прямых слов об их геноциде. И только в девтеронимической истории Бог не просто призывает их истребить, но и наказывает израильтян, которые медлят исполнить его страшное повеление {102}. Более ранние версии говорят об изгнании местных народов, тогда как девтеронимист настойчиво говорит об их уничтожении. В Книге Исхода Бог обещает навести страх на врагов Израиля, который вынудит их бежать с насиженных мест, Второзаконие же говорит иначе: «Господь, ваш Бог, дарует вам победу над этими народами, посеет среди них великое смятение, и они будут истреблены». В Книге Исхода Бог обещает наслать шершней на ханаанеев, во Второзаконии шершни просто помогут найти спрятавшихся врагов, чтобы их можно было предать смерти {103}.

Роковые пороки жителей Ханаана

Подобным образом библейские авторы начали давать иное объяснение тому, почему Бог пожелал уничтожить ханаанеев. Более старые версии J и E не говорят нам о том, что жители Ханаана были уничтожены из-за того, что они были крайне злы или непокорны. В Книге Бытия есть один стих, который, казалось бы, говорит об этом – слова о «грехах амореев», – однако он представляет собой позднейшую вставку {104}. Только авторы поздних источников, D и P, предъявляют обвинение местным народам: ханаанеи были уничтожены в наказание за свои вопиющие грехи.

Возможно, эти позднейшие писатели хотели найти чисто религиозное оправдание захвату земли. Но, помимо этого, авторы VIII и VII веков использовали исторические предания для того, чтобы осуществлять программу радикальных религиозных преобразований. Если, как они думали, Израиль владеет землей в силу своего завета с Богом, им хотелось показать, что случается с народом, когда тот неверен своим обещаниям. Они хотели предупредить членов тогдашней элиты: не стоит заигрывать с чужими верами, иначе вас ждут великие неприятности. Бог призывает победителей-израильтян не успокаиваться на той мысли, что они нравственно выше местных народов. Им никогда не следует говорить: «За нашу праведность Господь привел нас сюда, чтобы мы овладели этой страной». Нет, из-за злодеяний этих народов Господь отдает вам их землю!» Ханаанеи согрешили и были изгнаны с земли, но если Израиль не будет осторожен, его ждет такая же участь {105}.

Священнический автор (Р) в Книге Левит хочет показать, что уничтожение ханаанеев должно послужить ужасным предостережением тем израильтянам, которые не готовы соблюдать большой список сексуальных запретов. В конце этого списка стоит следующее предупреждение: «Не оскверняйте себя такими делами. Всем этим оскверняли себя народы, которых Я изгоняю, расчищая вам место. Из-за них эта земля стала нечистой, Я призвал ее к ответу за грех, и она изрыгнула живущих на ней». Так позднейшие авторы нашли моральное оправдание для массовых убийств, совершавшихся гораздо раньше {106}.

В главе 32 Второзакония, в так называемой Песни Моисея, изгнание ханаанеев откровенно звучит как ультиматум Израилю. Готовя народ ко входу в Землю обетованную, Моисей предсказывает, что местные жители будут уничтожены, так Господь «очистит землю народа Своего», но еще важнее другое: если в будущем евреи будут служить иным богам, их ждет подобное уничтожение. Там прямо проводится параллель между горькой участью ханаанеев и судьбой Израиля с использованием таких же или похожих слов. Израильтяне – мужчины и женщины, дети и старики – также станут жертвами массовых убийств, и над ними воцарится ужас (*'emah*). Это необычное слово редко употребляется в Писании, но именно его использует Раав, говоря о тревогах ханаанеев в момент приближения войска Иисуса Навина. Тот ужас, который царит в Ханаане сегодня, завтра охватит Израиль, если евреев ничему не научит ужасный пример их предшественников {107}.

Нетолерантный Бог

К сожалению, мы не вправе сказать, что все истории об этнических конфликтах и резне есть чистая фикция. В частности, нам не стоит думать, что никогда не производились войны по правилам *херема*. Мы можем полагать, что повествователь изобрел рассказ о какой-то бойне или уничтожении, быть может, чтобы объяснить, почему такой-то город был полностью разрушен и оставил после себя лишь руины на радость археологов («и с того дня доселе ни один человек не жил на этом месте»). Но нам не следует думать, что авторы придумали ужасный обычай, существование которого было известно, во всяком случае, до эпохи монархии.

Если бы *херем* не был реальностью, читателю эти рассказы показались бы неправдоподобными. Народы предавали заклятию другие города и племена, и в каких-то случаях народ израильский «посвящал» врагов Богу, фанатично истребляя всех: мужчин, женщин и детей. В конце VIII века пророк Михей полагал, что его слушатели знакомы с такой реальностью, когда говорил о народе Израиля, который по вдохновению свыше сокрушает угнетателей и *посвящает* их несправедно нажитое богатство Богу, используя язык ритуальной войны {108}.

Если бы херем **НЕ БЫЛ** реальностью,
читателю рассказы **О НЕМ**
показались бы неправдоподобными.
Народы предавали **Заклятию** другие
города и племена, и в каких-то случаях
народ израильский «посвящал» врагов
Богу, фанатично истребляя
ВСЕХ: мужчин, женщин И детей

Но одно дело признать существование войны YHWH, а совсем другое – сказать, что такая война носила систематический характер и применялась ко всем без исключения, как об этом говорят Второзаконие и Книга Иисуса Навина, со всеми описанными там ритуалами и запретами, которые было бы почти невозможно реализовать на практике. Израильский ученый Моше Вейнфелд пришел к заключению о том, что «закон *херема*, о котором говорит Второзаконие, был утопическим законом, придуманным ретроспективно», – хотя, быть может, слово «утопический» в данном контексте звучит странно. Описание войн Иисуса Навина во многом соответствует ближневосточным реалиям именно того времени, когда было создано Второзаконие. Особенно удивительно то, что здесь можно найти параллели с жестокими кампаниями Ассирии между 750 и 630 годами до н. э., когда массовые убийства и террор использовались для запугивания потенциального противника. Девтереномические авторы говорили об обычае, который был знакомым явлением мира, в котором они жили, только они перенесли этот обычай в прошлое – в легендарную эпоху завоевания Ханаана {109}.

Библейские авторы VIII и VII веков жили в эпоху религиозной и культурной революции, и они заново написали историю, отражающую это обстоятельство. Даже если мы забудем о завоевании, жесткие установки этих авторов отражены во многих других текстах, причем можно увидеть, что авторы описывают реалии своих дней. Если общество хранит в памяти истории о том, как надлежало убивать врагов в далеком прошлом, ему было труднее терпеть отклонения от своих радикальных идеалов в настоящем. Это привело к развитию фанатичной религиозной нетерпимости, которая также прославляется Писанием. Во многом эти идеи напоминают самые жестокие места Корана, а иногда звучат даже более сурово.

И опять же, именно Второзаконие содержит самые суровые и детализированные правила о защите монотеизма – если нужно, с помощью кровопролития. В главе 13 подробно говорится о том, как следует наказывать человека или семью, которые склоняют соседей к поклонению иным богам. Тот, кто извращает Божьи законы, должен быть предан смерти. «Не жалей его, не щади и не укрывай» – даже если это твой брат, твоя жена или твой ребенок. Если все израильское селение почитает чужих богов, тогда оно фактически приравнивается к селению ханаанеев и подлежит *херему*: надо убить всех и все в этом городе, а затем символически убить все его материальное имущество. Надлежит свалить всю награбленную

добычу в кучу и сжечь ее как жертвоприношение Богу. Город следует оставить в виде развалин и никогда не застраивать снова. С ним следует поступить, как с Гаем {110}.

Царь Иосия, которого, вероятно, вдохновляло Второзаконие, устроил религиозную чистку и снабдил храмовое духовенство всеми необходимыми средствами для разрушения соперничающих святилищ и искоренения чужих культов, чтобы они установили жесткую монотеистическую ортодоксию. Четвертая книга Царств с любовью и подробно описывает эту кампанию:

Он убрал жрецов, которых цари Иудеи назначали приносить жертвы на капищах в городах Иудеи и в окрестностях Иерусалима, а также тех жрецов, что приносили жертвы Ваалу, Солнцу, Луне, созвездиям и всему воинству небесному... Он разрушил жертвенники, воздвигнутые царями Иудеи на крыше верхних покоев Ахаза, а также жертвенники, сделанные Манассией в обоих дворах Храма Господа. Он разбил их на куски, стер их в пыль, а пыль выбросил в Кедронский овраг.

Иосия уничтожил священные изображения, осквернил святилища, срубил священные рощи и сжег кости в могилах. Он «закалывал жрецов этих капищ на их жертвенниках и сжигал на жертвенниках человеческие кости». В отличие от истории завоевания, эти события были отражены точно близкими современниками и очевидцами, если не участниками событий: все это действительно происходило. Библия видит в Иосии образец святости, чуть ли не нового Моисея. Рассказ о его царствовании завершается такими словами: «Не бывало прежде такого царя – который так обратился бы к Господу всем сердцем, всей душой и всем существом своим, и во всем следовал Закону Моисея. Да и после Иосии не было таких, как он» {111}. Никто не мог справиться с такой задачей лучше.

Как показывают эти истории, Бог яростно ненавидит любые другие религии на Святой земле. Если завет между Богом и его народом можно сравнить с браком, тогда эти чужие обычаи равносильны измене, блудом с чужими богами. Бог гневается не только на израильтян, которые следуют чужим обычаям, но и на тех из них, кто терпимо относится к существованию чужих вер. Это явно не похоже на девиз «живи и жить давай другим» – или на девиз «поклоняйся сам и не мешай другим совершать поклонение».

Как показывают библейские истории, **БОГ** яростно ненавидит любые **другие религии** на Святой земле. Если завет **Между Богом и его народом** можно сравнить с браком, тогда эти чужие обычаи равносильны **измене, блудом с чужими богами**. Бог **гневается** **не** только на израильтян, которые следуют чужим обычаям, но и на тех из них, кто терпимо относится к существованию чужих вер

В современном мире мы найдем наиболее близкие параллели этой политике у самых радикальных исламистских сект, в программу которых обычно входит пункт об искоренении всех чужих религиозных практик и символов. Некоторые египетские мусульманские экстремисты мечтают разрушить пирамиды и другие великие памятники древности или взорвать знаменитого сфинкса. Самый яркий пример такой борьбы с символами можно было видеть в Афганистане, где в 2001 году правительство талибов до основания разрушило великие статуи Будды в Бамиане, которые стояли там вот уже полтора тысячелетия. Мировая общественность осудила это как акт культурного вандализма и религиозной нетерпимости. Мало кто из христианских или иудейских комментаторов вспомнил о том, насколько эти действия соответствовали прямым повелениям Бога, которые многократно повторяются в их собственных священных текстах.

Иноземным женам не повезло

Другие тексты отражают ту ксенофобию, которой была пропитана эпоха Иосии. Нелегко датировать историю Финееса, который заслужил одобрение Бога за то, что убил смешанную пару, израильтянина и мидьянитянку. Хотя речь здесь идет о событии до 1200 года до н. э., данная история отражает заботы и страхи гораздо более поздних времен. Исследователи считают, что она взята из священнической традиции, то есть была создана в VI веке, вскоре после смерти Иосии. За ней стоит уже знакомая нам идея о полном отделении от окружающих народов – под угрозой смерти. Как это часто бывает в Ветхом Завете, сексуальное смешение несет в себе опасность для религии{112}.

Мы не знаем, существовал ли Финеес на самом деле, и вряд ли можно предполагать, что в будущем какая-либо находка археологов или неизвестный ранее литературный памятник поможет нам ответить на этот вопрос. Но даже если такого человека никогда не было, автор или редактор Книги Чисел считал, что его герой должен был так поступить – совершить именно такое убийство – и что позднейшие поколения должны видеть в нем славный образец. Как мы увидим, на протяжении дальнейшей истории образ Финееса смущал комментаторов, особенно еврейских, которые опасались крайностей, когда один человек осуществляет справедливость по своему разумению; тем не менее у Финееса было немало подражателей.

Темы этнической чистоты и опасности смешанных браков снова и снова всплывают на поверхность в Библии, особенно ярко в наполненных ксенофобией книгах Ездры и Неемии. Оба этих текста отражают аналогичную историческую ситуацию – возвращение Израиля на Святую землю в V веке после нескольких десятилетий, проведенных в вавилонском изгнании. Священник и книжник Ездра и верный иудей Неемия, которого персы поставили правителем Иудеи, стремятся очистить землю, которая была опустошена как физически, так и в нравственном смысле. Они восстанавливают город Иерусалим, заново отстраивают его стены и снова освящают Храм{113}.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.